

Екатерина Дьяконова

Попутчик

Попутчик

рассказы

Екатерина Дьяконова

УДК 82-1/-9-31

ББК 84-44-44Д 93

Рассказы мои – это цепочка пережитых событий. Все они, конечно же, о любви, о непростых отношениях, ставящих нас на высокий уровень самосознания. На фоне эпохи. В своем творчестве я делюсь опытом как никогда не терять романтического настроения, несовместимого с будничным притуплением чувств к окружающему миру. Как не пускать эмоции на самотек, устоять от ошибок, наплыва страстей и приучить противоположный пол к культуре чувств. Мы становимся богаче нашим прошлым. Оно никуда не девается, с ним мы не расстаемся, оно в нас и как снежный ком нас обволакивает. Обогащается настоящим и уносит в будущее!

© Дьяконова Е.Г.

© Оформление ООО «Издательство «Хамелеон»

Посвящается моей дорогой и любимой семье – моим родителям, мужу, сыну.

Не могу не поделиться с читателем радостью: белая голубка, прилетевшая неизвестно из каких высот, встречает меня уже на двух лапках, раньше – одна была поджатая (Слава Богу – не перелом!).

Хромая ворона каждое утро аккуратно прилетает за кусочком сыра!

Мои дорогие не оставляют меня, духовная связь неистребима. Она продолжается!

Мир прекрасен, если душа к нему распахнута!

Дьяконова Е.Г.

«...Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нем сладким воздухом любви».

Из дневника Анны Керн

Все тела, небесная твердь, звезды, земля и все ее царство не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела вместе взятые, не стоят единого порыва милосердия – это явление несравненно более высокого порядка».

Блез Паскаль

Попутчик

После беготни в Москве, вечером я тщетно толкалась на Курском вокзале возле касс. Билетов на этот вечер не было. И уехать в Харьков этим воскресным вечером не было никакой надежды.

А было необходимо, сообщила мужу, что приеду в понедельник, да и на работу надо было срочно. Что было делать? От касс я не отходила, курсируя от одной к другой.

В одной кассе кассир сказала:

-- Подождите немного. До отправления поезда Москва-Харьков еще более часа, может быть кто-то сдаст бронь! Но Москва-Сухуми есть место в СВ. Возьмете? Поблагодарив, я недалеко отошла. СВ я исключала. Оказаться ночью в купе с незнакомцем мне не предвещало ничего

хорошего. Вряд ли попутчицей окажется женщина. Женщины поодиночке, как правило, не берут билеты в СВ. Я вообще не люблю ехать с мужчинами в одном купе, даже на четверых. Ни раздеться, ни накраситься! А тут вообще вдвоем! С чужим.

Но ради справедливости, должна признаться, что в моей жизни целых четыре раза мне пришлось ехать в одном купе с мужчинами. И все четыре поездки оставили след в моей душе.

Первый раз это было, когда мне стукнул 21 год. Я перешла на четвертый курс Автодорожного института. Решила летом навеститься в Ленинград к моим двоюродным сестрам - Вальке и Шурке. Ни разу я там не побывала с тех пор, как меня увезли оттуда.

В купе поезда, куда я вошла солнечным утром, уже сидели трое мужчин. Двое пожилых, за пятьдесят, один молодой, только что окончивший Ленинградский Технологический институт. При моем появлении

все оживились, общество получилось разбавленным. Один из пожилых мужчин – бывший летчик, полковник, взял лидерство в беседе. Он интересно рассказывал о своих военных полетах, как он на самолете доставлял хлеб в блокадный Ленинград. Как заходил к себе на квартиру, где оставалась его мать. Он клал буханку хлеба и пятился к двери. От голода у его матери помутился рассудок, и она его не узнавала. Увидев сына, она говорила: «Какой ты жирненький! - как будто он гусь или свинья.

Еще много чего он рассказывал об ужасах блокадного города.

Полковник предложил мне показать достопримечательности города, в котором я родилась, но не знала его. Но я решила, что все покажут мне сестры. Второго пассажира я не запомнила.

А третий, самый молодой, как он потом сказал, ему 28, пошел меня провожать к

моим родственникам, на Университетскую набережную, 1, единственный жилой дом, построенный еще при Петре I.

Было ясное солнечное утро. Мы переходили Дворцовый мост. Я остановилась. Остановился и он. Дом стоял (и стоит) прямо напротив Дворцового моста. Молодой человек был интеллигентен, интересен, приятен в общении. Помолчав, он сказал:

-- Надеюсь увидеть Вас снова! Вы придете завтра на это же место? Или послезавтра?

-- Не знаю, - ответила я и посмотрела на волны Невы. Вода переливалась на солнце, была то голубая, то серебристая, темно-зеленая. Мое белое крепдешинное платье трепал ветер. Я сама для себя была загадкой. Чего я хочу и что мне надо? До сих пор мне хорошо удавалось сделать только одно — оттолкнуться от всех, ищущих со мной встречи. Что я за человек? Всех привлекаю и от всех отталкиваюсь.

-- Если не сможете завтра и послезавтра, я буду Вас ждать и на третий день. Даже если будет дождь!

-- До свидания - сказала я и ушла, не оборачиваясь. Точка была поставлена. И от бабушки ушла и от дедушки ушла.

Вторая совместная поездка была такова. Вошла в купе поезда Харьков – Киев. Ехала в командировку. Было мне около сорока. Выглядела непростительно молодо.

В купе сидели трое мужчин. На меня едва взглянули, только для порядка, чтобы поздороваться. И опять уткнулись в прерванную беседу. Захватывающую! Они были так погружены в мир автовождения, что больше для них ничего не существовало. Это были настоящие автолюбители. Технари. Все трое наперебой доказывали преимущества одной машины перед другой. Это был нескончаемый поток специфических терминов.

Мы давно уже в пути. Нам уже давно принесли чай. Мы его уже давно выпили, а у них все одно и то же крутится по кругу. И час и два. На меня никто не обращает внимания. Какая-то там серенькая мышка! Пиголица! Пусть себе сидит и слушает умные разговоры.

Но невзрачный мышонок вдруг поднялся, поправил наверху вещи и сказал:

-- Уважаемые мужчины, а не поменять ли вам тему для разговора? Сколько можно, карбюратор, свечи, шины? В конце концов, вы же не одни в купе!

Все замолчали. Лица заметно вытянулись, - это кто же там подает голос? Мы не одни? Это что-то новое! Откуда это взялось? Впервые на меня посмотрели.

А я стояла у зеркальной двери, словно специально давая возможность себя разглядеть.

Да, неплохо. Элегантная одежда. А фигурка! – ювелирная работа. Где мы, остолопы,

раньше были. Или ее в купе не было? Все продолжали молчать. Только один спросил:

-- А о чем мы будем говорить?

-- Как о чем? Конечно, о любви!

И меня их реакция так рассмешила, что я стала неудержимо хохотать. Над ними!

Насмеявшись вдоволь, я им представилась – начальник ведущего отдела проектного института. Представились и они. И беседа потекла в другом русле. Оказалось, что я хорошо знаю, как решить многие технические вопросы, упирающиеся в юридическое правовое поле. Мы подружились. Но в эту ночь я столько смеялась, как еще никогда такого не было.

Уже выйдя в Киеве из вагона, я обнаружила, что один из попутчиков меня догоняет. Пошел провожать. Я его остановила. Просил о встрече. Что-то его зацепило. Опять рядом шел, опять умолял о встрече. Но я наотрез. Мне абсолютно это не надо. Я замужем. И не в моих привычках

обращать внимание на каждого провожатого. Посмеялись и хватит! Я ушла по своим делам. А им будет наука!

Следующим моим путешествием в одном купе с мужчинами было в поезде Москва-Харьков. Захожу в купе. Трое молодых мужчин.

Холодина. Зима, а состав не отапливается, окна полуприкрыты, не закрываются.

Несмотря на усталость, я побрела по вагону в поисках с кем-нибудь поменяться местами. Но таких не нашлось, все мертвой хваткой вцепились в мужчин, не желая их отпускать. Вернулась в купе. Обреченно села. Молчу. Хотелось просто свалиться и заснуть, но не в таком же леднике! В вагоне гуляет ледяной ветер.

И вдруг мужчина, сидевший напротив, сказал:

- Ну что вы так расстроились? Чем мы Вам так не угодили?

- Что Вы, всем вы угодили! Просто неуютно. А посмотрим, что я купила!

Вспомнив о своих приобретениях, я оживилась. Представилась присутствующим. И они себя назвали. Я извлекла любимую атрибутику - косметику. Начала с удовольствием ее разглядывать. Разглядывали и попутчики. Я вовлекала их в свои женские интересы. Они были им не чужды. Они развернули свои покупки. Все оживились, стало теплее. Но даже верхнюю одежду мы не снимали.

Только один молодой человек, самый молодой залез наверх и разделся до майки. Закаленный! Была уже полночь. Никто не собирался спать. Поводов для смеха было достаточно. Все казалось смешным, даже холод. Смешные ситуации, смешные рассказы сыпались со всех сторон. Я опять много смеялась. Так и просидела в пальто всю ночь, прислонившись к стенке.

Когда уже не было сил смеяться, наступил рассвет.

Утром на перроне меня встречал Юра. Я сказала, что вагон не отапливался. Я очень замерзла и не спала всю ночь.

Юра сказал:

- Но у тебя удивительно свежий вид! Никакой утомленности!

- Юрочка, это потому что я всю ночь просмеялась! Соседи попались веселые! И рассказала ему, как сначала не хотела с ними ехать.

И в последний раз с мужчинами я ехала из Харькова в Москву получать в министерстве строительства сертификат и лицензию в 1995 году. Со мной в купе ехали – один бизнесмен, другие двое - атомщик и физик. Люди были культурные, интересные, не технари! Мы вместе поужинали, приятно беседовали, конечно, смеялись, а потом начали петь романсы, в т.ч. «...целую ночь

соловей нам насвистывал...» собрали к себе весь вагон.

Обратно из Москвы тоже оказались вместе. Не договаривались. Совпадение. Я демонстрировала свой полученный международный сертификат в коричневом кожаном переплете и атомщик сказал:

-- Это Вам выдали генеральские погоны, если перевести с гражданского языка. Можно приравнять. Опять было весело, приходили из других купе. Двери были открыты. А один молодой человек из соседнего купе привязался к атомщику, чуть не полез в драку, говоря:

-- Ты не понимаешь, какая женщина едет с вами! Вы недостойны с ней ехать! Ты дурак! Мальчишка!

На что атомщик сказал:

-- Давай выйдем!

Этого еще не хватало! Они выйдут!

Я сказала:

-- Никаких выходов. Подъезжаем.

Успокойтесь!

Действительно, подъезжали к Харькову. Да и никаких поводов для разборок никто не давал. Молодой человек ушел в свое купе.

А мы обменялись визитками и вскоре навсегда расстались.

Так что опыт совместной поездки с мужчинами у меня было довольно обширный.

Но не вдвоем же!

Итак, вернемся к моему отказу от билета в СВ. К кассе я подходила каждые десять минут.

-- Пока нет. Ждите. Ну а почему вы отказываетесь от СВ?

-- Не хочу. Боюсь.

И тут она выдала такое, что я оторопела и подумала, что ослышалась!

Я уставилась на нее, пытаюсь правильно понять смысл ее слов, а она спокойно повторила:

-- А чего бояться-то, не захотите, не будете!

В чем дело? Что она мелет? Какую-то чушь! Она хоть соображает, что ляпнула? Какое «будете - не будете»? Да за мной вообще надо десять лет ухаживать, чтобы стало возможным поцеловать меня в щеку! Я всегда была строгих правил и даже с сильными чувствами умела справляться.

А в поезде я элементарно боюсь незнакомца, каким бы прекрасным он ни был.

Я отошла от кассы. Подумала, ничего себе нравы, а на вид приятная женщина!

Я еще потолклась минут десять. Но дальше тянуть уже было нельзя. Необходимость ехать прогнала страх. Да, я держала этот непривлекательный для меня вариант с СВ.

Итак, взяла билет. Двинулись на перрон. Захожу в нужный вагон. Он еще не полностью освещен. Экономят. Полутемно.

Свет падает в окно от фонарей. Открываю двери моего купе. В сумерках разглядываю сидевшую фигуру мужчины. Фигура большая, в кожаном пальто, на голове волнистые темные кудри.

Я поздоровалась. Мужчина тоже откликнулся с приветствием, приподнялся. Я сняла пальто, расположилась с вещами. Зажегся свет. Мой попутчик предстал передо мной во всей своей импозантной молотой красе. Но и я был не лыком шита. Шел 1989 год.

Но речь не об этом. Познакомились. Он назвался Сергеем из Пятигорска. Точно как и я ст. научный сотрудник института.

Завязалась оживленная беседа. Мы выложили на стол еду, какая у нас была. Он поставил на стол пиво. Сели ужинать.

По–семейному!

За ужином мы обсуждали темы, которые нас волновали. Особенно съезд в Москве, который тогда проходил. За этим съездом

следили все, улицы города становились пустынными. Это был съезд, на котором Горбачев не давал говорить Андрею Сахарову. Но он все равно говорил, тяжело, запинаясь, после тяжелой болезни и ссылки и весь мир ловил каждое его слово, затаив дыхание. Эта речь была последней в его жизни. Он готовился к следующей, но его убили в собственной квартире. Он никогда не запирает дверей, даже ночью.

Это был съезд, где Юрий Афанасьев сказал Горбачеву, погрозив пальцем: «...И Вы, Михаил Сергеевич!..Равнодушно-послушное большинство...» Это была революция в умах. И вождями ее были А. Сахаров и Ю. Афанасьев, речь которого я хранила долгие годы.

Виталий Коротыч выступал страстно на страницах «Огонька», главным редактором которого являлся. Но ни разу не выступил на съезде и вскоре укатил в Америку. И

навсегда канул. Я тяжело переживала его отступление.

С попутчиком мы обсуждали эти темы. Он хорошо во всем разбирался, ему тоже близки были ожидаемые перемены. Насчет Коротыча он сказал: «Его ошельмовали!» Тогда я поверила. Потом – нет. Больше узнала. Это он ошельмовал всех.

Итак, ужинали и беседовали на полном взаимопонимании и общности интересов. Много общего оказалось и по работе. Ведь мы были коллегами!

Он выпил немного пива, а я для порядка, чуть пригубила. За ужином Сергей вежливо ухаживал за мной, предлагая разную еду. Называл Катенькой, делал комплименты. Но все очень скромно, воспитанно, доброжелательно.

Поезд отправился в 22.30. а был уже первый час ночи. Пора было отдыхать! Москва из-за беготни и расстояний забрала массу сил. Купе состояло из двух полок -

верхней и нижней. По билету мне досталась верхняя. В хороших поездах в купе обе полки нижних. А здесь было так.

Сергей взял мою верхнюю полку и стал устраиваться. Полки были мягкими с разложенными постелями.

Со стола мы все дружно убрали, и Сергей одним взмахом оказался наверху. Я не ложилась. Села в угол к окну, завернулась в одеяло и затаилась.

Было тихо. За окном мелькали придорожные фонари, желтым светом освещая купе.

С верхней полки не доносилось ни звука. Дождусь, пока буду уверена, что попутчик уснул.

Вдруг слышу:

-- Катенька, Вы разрешите за Вами поухаживать?

Вот еще, не наухаживался за ужином. А сейчас лучше бы заснул и дал мне поспать! Нужны мне твои ухаживания! Это я про себя.

-- Нет.- сказала я твердо.

Молчание полминуты. И опять:

-- А если Вы передумаете, Вы дадите мне знать?

-- Да, - односложно ответила я, чтобы отвязался.

Он сразу затих, как бы в ожидании. Лежал тихо. И вскоре слышу – засопел.

Надо отдать ему должное - вел он себя достойно и культурно. Сразу понял, с кем его свела судьба в ночное купе.

Когда раздались признаки крепкого спокойного сна уставшего мужчины, прилегла на свою подушку и я. Никакие фонари мне не мешали. Я уснула.

Утром проснулась раньше.

Поезд шел на юг через Харьков. Привела себя в порядок, собрала вещи. Вышла из купе, дав возможность одеться Сергею.

Вошла в купе, когда он открыл двери. Пожелала доброго утра. Сергей тоже вежливо поздоровался, спросил, как я спала. Все было на безукоризненных интонациях. Поезд подходил к Харькову.

Сергей помог мне вынести вещи. Попрощались, чтобы никогда в жизни больше не встретиться.

Но эта поездка запомнилась.

Приятно иметь дело с воспитанными людьми!

Estimado, joven, gracias por la atencion!

Прощай сцена!

До начала представления оставалось 40 минут. Я сидела перед большим зеркалом в помещении Дома Архитектора и не узнавала себя. Гример из драматического театр им. Шевченко накладывал мне грим.

Саша был профессионал своего дела. Сам Мордвинов, приезжая на гастроли в Харьков, побывал в Сашиных руках.

Парик со светлыми локонами Нины Арбениной, светлорозовый тон грима (ресницами обошлись своими), нежный цвет помады и декольтированное платье преобразили меня, придав лицу новое выражение. В свои двадцать девять я не выглядела старше своей героини.

Надо сказать, что самодеятельность в нашем институте «Харьковпроект» была поставлена на высокий уровень. Выезжали с показом даже в другие города.

Руководил коллективом народный артист СССР Антонов. Администрация не пожалела значительной по тем временам суммы в 200 рублей на создание образа героини с помощью гримера.

В день представления я долго рылась в костюмерной театра в поисках сценического платья. Но, видимо, таких худых заморышей среди актрис весом 45 кг не нашлось, и поиски мои были тщетными. Все примеряемые наряды соскальзывали с меня с невероятной скоростью, не оставляя надежды на благополучное облачение.

Тогда я проявила решительность. Выбрала самое красивое платье, не обращая внимания на размер. Оно было голубое, длинное, верх и низ были расшиты розами. Решила его ушить.

Ушивали прямо на мне, на живую нитку, не предполагая, в какую ситуацию обернется мое выступление.

Моим партнером в роли Арбенина был Витька Светличный. Окончив Железнодорожный институт, он прямоком направился в Русский драматический театр. В актеры! И его взяли. Артистический талант у него явно был, умел держаться на сцене, голос, дикция, импозантность – все было.

Продержался он в театре десять лет. А потом что-то не заладилось, и он со своим дипломом инженера пришел к нам в институт. Мы были коллегами, я тоже окончила технический вуз – Автодорожный и мы работали в одной архитектурно-строительной мастерской под руководством незабвенных – Владимира Самойловича Донского и Бориса Григорьевича Клейна.

Под режиссурой Антонова мы подготовили «Маскарад». Задолго до этого я выучила текст наизусть. Несколько репетиций помогли войти в образ. Юра и четырехлетний Олежка с интересом

наблюдали за мной, когда я дома произносила монолог Нины. Но никто ничего особенного не ожидал, просто заурядная самодеятельность, как они думали.

Юра с Олежкой пришли в Дом Архитектора, а он находился почти рядом с нашим домом, на параллельный улице, скромно сели в четвертом ряду.

Все собрались. Сотрудники знали, сколь серьезно шла подготовка. Зал был полон. Тишина. Все замороженно смотрели на сцену. Витька – Арбенин появляется на сцене в красивом, богатом домашнем шлафроке, задумчиво расхаживает, ждет появления Нины.

Светло-голубое облако всплыло на подмостки. Оно воплощается в Нину, она подходит к Арбенину, кладет ему на плечо руку, он оборачивается.

-- Ах, здравствуй, Нина, наконец! Давно пора.

Нина:

-- Неужели так поздно?

Арбенин:

-- Я жду тебя уж целый час.

Нина:

-- Серьезно? Ах, как ты мил!

Арбенин:

-- А думаешь...глупец?.. Он ждет себе...а я...

Нина:

-- Ах, мой творец!.. Да ты всегда не в духе. Смотришь грозно, и на тебя ничем не угодишь. Скучаешь ты со мною розно, а встретимся – молчишь!

Накал страстей нарастал. От легких упреков Арбенины перешли к открытым обвинениям в измене и отсутствии любви.

Нина:

-- Положим, ты меня и любишь, но так мало, что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин:

-- Как быть? Я жить привык беспечно, и ревновать смешно.

Нина:

-- Конечно!

Арбенин:

-- Ты сердишься?

Нина:

-- Нет, я благодарю.

Арбенин:

-- Ты опечалилась.

Нина:

-- Я только, говорю, что ты меня не любишь.

Арбенин с надрывом раскрывает свою душу, выражает Нине глубокую любовь:

-- Я счастлив...Я с тобой!

Оставим прежнее!

Забвенье тяжелой,

черной старине!

я вижу, что творец

тебя в вознагражденье

С своих небес послал ко мне.

(Целует ей руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет).

Нина:

-- Ты побледнел, дрожишь... о, боже!

Арбенин (вскакивает):

-- Я? Ничего! Где твой другой браслет?

Нина:

-- Потерян.

Арбенин:

-- А! Потерян.

Нина:

-- Что же? Беды великой в этом нет, он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин (про себя):

-- Потерян... Отчего я этим так смущен, какое странное мне шепчет подозренье! Ужель то было только сон, а это пробужденье!..

Нина:

-- Тебя понять я право не могу!

Арбенин: (пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

-- Браслет потерян?

Нина:

-- Нет, я лгу!

Далее, разъяренный Витька рывком опустился на колени перед креслом, куда я шлепнулась от переизбытка чувств, схватил меня за плечи и стал трясти, вытряхивая признание. Нине не в чем было признаваться. Но Арбенин не верил. Эмоции ему уже не подчинялись.

Теперь уже побледнела я. Услышала треск наживленных ниток. Это был настоящий, неподдельный ужас – остаться на сцене в нижнем белье!

Поехало одно плечо, потом другое. Декольте заметно увеличивалось. Зал замер. Тишина была гремящей.

А Витька все бушевал! Но...о, чудо!

Процесс раскостюмирования неожиданно остановился. Видимо, следующие нитки оказались крепче и благополучно сдержали натиск.

А дело уже шло к концу.

От оскорблений Нина со словами:

-- Однако, есть и бог...он не простит! — побежала плакать.

Витька-Арбенин:

-- Что делает она: смеется, может быть!..

Нет, плачет. (Уходя) Жаль, что поздно.

А я быстро побежала в примерную вовсе не плакать, а смывать грим и освободиться от парика и платья. Сбросив с себя оковы образа, я помчалась в зал к своим. Но к моему изумлению, нашла только Олежку. Юра ушел домой. Новое дело! Рассердился что ли? Или перенервничал? Я хотела немедленно идти домой, но Олежка, как только загремела музыка, пошел на середину зала танцевать твист. Он так лихо выколачивал движения твиста и модного тогда чарльстона, что, кто не знал, спрашивали: чей это мальчик? Чей?

Олежек тоже весьма эмоционально воспринял мое выступление и танцы были

ему разрядкой. Домой мы пришли в двенадцатом часу ночи. Юра, не дожидаясь нас, уже лег спать. Но не спал, отвернулся к стенке. Я подошла:

- Юрочка, ты ушел?

- Еще одно такое выступление и... Мысленно я закончила его фразу. И дала себе слово – прощай сцена!

А на работе, на другое утро, ажиотаж был почище сценического. Никто не работал. Все делились впечатлениями. В мой кабинет шли толпы сотрудников из всех отделов. Первым пришел Орешкин Петр Иванович, главный архитектор. Он сказал, что вчера чуть не умер он стресса, когда с меня сползало платье. По спине у него плыл ручеек.

Надо же, какие были чистые эмоциональные люди, и как одна семья, все переживали друг за друга. Потом шли все подряд, поздравляли. Выступление им понравилось.

А в обеденный перерыв накрыли в отделе стол. Это было перед 1 мая. «Именинницей» была я.

Шампанское пили в мою честь. Получила подарки и медаль, специально сделанную для меня, я храню ее до сих пор. На ней портрет замечательной актрисы Черновой, игравшей Нину с Мордвиновым и надпись: «Кате Дьяконовой от Нины Арбениной».

НОС

Моя командировка в Кременчуг на два дня имела необратимые последствия для моей сотрудницы.

Я не имела понятия о том, что сотрудница смежного отдела Женя Смелянская старалась во всем мне подражать и меня копировать. Об этом я узнала значительно позже.

Приехав в отдел капитального строительства Кременчуга, я поселилась в гостинице. Женя там уже жила. Небольшой городок с одной гостиницей. Вечером поужинать негде, кроме гостиничного ресторана.

Мы с Женей вошли в зал, народу было много, звучала музыка, синий туман от курева накрывал пространство. Сели за дальний столик. Не успели заказать, а на столе уже появилась бутылка шампанского.

Подошел официант, принял заказ, сказав: «Шампанское передали вон с того столика!» Видимо, для знакомства. Но дарителя видно не было, и никто не подходил. Я попросила официанта унести подарок. Знакомиться не входило в мои планы. Утром предстояла ответственная работа в ОКСе с нашим главным заказчиком и оппонентом - громителем наших проектов. И надо было выспаться.

Бутылку никто не уносил. Она так и стояла сиротливо и одиноко.

Мне в то время не было еще и тридцати. Женя была лет на десять постарше, но дело не в этом, у нее была внешность южно-кавказской женщины. Строгое лицо, нос с горбинкой. Она сказала:

-- Давай попросим официанта открыть шампанское.

-- Нет, Женя, я его пить не буду! Тогда придется знакомиться.

-- Это для тебя передали. У тебя такой носик! Я бы тоже такой хотела!

Чьи-то глаза следили за нами. Мы быстро справились с ужином и ушли в гостиницу, не взглянув на соседние столы. Утром я сидела в ОКСе и исправляла во всех пяти экземплярах смет и альбомов ошибки, указанные начальником, Нестеренко Константином Ивановичем. У нас в Харьковпроекте его жутко боялись. Он для нас был важным заказчиком, закрепленным за нашим институтом. И хорошие отношения с ним были необходимы.

Константин Иванович был копией известного критика– Виссариона Белинского.

Он, видимо, это знал, ему это льстило. Только Белинский критиковал литературные произведения, а Нестеренко – проекты. Поговаривали, что он одинок, видимо из-за сложности характера.

Что в командировку направили именно меня, никого не удивило.

Наша архитектурная мастерская имела огромные размеры со множеством столов и кульманов.

Нестеренко, приезжая к нам, высказывался о деталях проекта довольно резко, тоном, не терпящим возражений. При этом, он прохаживался между столами, проходил и мимо моего стола, чуть-чуть замедляя шаг, замолкая, глядел в мою сторону кротким взглядом.

Я опускала голову в чертеж.

Что-то в моем облике его трогало. Я была как стебелек, весила 43 кг. Олечка был еще маленький, квартиры своей не было. Вероятно, у меня был жалкий вид.

В Кременчуге я выполнила порученную работу, и Константин Иванович милостиво подписал мне акт приемки и я уехала. Женя осталась доделывать свою электротехническую часть .

Через несколько дней Женя ушла на больничный. Не было ее около двух месяцев.

Уже наступила весна, когда она появилась. Сразу же прошел слух: Женя другая – абсолютно!

Находилась она в смежной комнате, электротехническом отделе. Мне надо было туда по работе, отнести альбом. Но я не могла это сделать. Ноги не несли меня туда. Я боялась увидеть ее другой. Тогда еще в моей среде никто не делал пластических операций.

В памяти был только французский фильм под названием «Призрачное счастье» с участием Мишель Морган и, если я не ошибаюсь, Бурвиля.

Сценическая роль М. Морган, известной во всем мире красавицы - была роль некрасивой жены. С длинным кошмарным носом. Но муж по-своему ее любил. Она была отличной матерью и хорошей хозяйкой. Но все воспринимали ее как домработницу.

Заурядная внешность не оставляла ей надежды на романтические чувства к ней. И она решилась на пластическую операцию. Она стала красавицей. Отношение к ней преобразилось. Она начала выходить в свет. Все вокруг влюблялись в нее до потери сознания. Но муж был в ужасе. Ему не нужна была красавица. Он любил ту, некрасивую. И решил с ней развестись.

Это лирическое отступление я сделала для того, чтобы было понятно, какой шок я испытала, услышав ужасающую меня новость.

Женя придумала версию, якобы багет упал ей на нос, сломал его, и операция была неизбежна. К чему было тогда спрашивать у всех:

-- Теперь я похожа на Катю?

Давая всем понять, что стремилась к этому.

Но встреча все-таки состоялась.

В туалете перед зеркалом я причесывалась. И вдруг входит она. У меня

подкосились ноги, заколотилось сердце, из рук выпала расческа.

-- Теперь я похожа на тебя, - проговорила она. Прозвучало это довольно зловеще.

-- Не очень, едва промямлила я и вышла.

Мне надо было отдышаться.

Она и раньше, на общих праздниках, да и в будни, наблюдала за мной. И пожалуйста, припечатала!

В Кременчуге это продолжилось. И она решилась. Горбатый нос исчез. Появился непонятный. Он никак не сочетался с ее обликом. Он ей абсолютно не шел. Был чужой, как бы одолженный у кого-то.

Мишель Морган из нее явно не получилась. Замуж она так и не вышла. Жила одинокой, но с сестрой. Нос плохо прижился, отличался по цвету от остального лица. В то время у наших врачей еще не было достаточного опыта таких операций.

Но Женя все-таки молодец! Избавилась от горбатого носа! Он ее угнетал!

Письмо.

Случилось это в далеком 1970 году, в счастливое для меня время, когда все мои родные были живы и счастливы.

Летом Юра отправил нас с Олежкой отдыхать в Затоку, под Одессу. Сняли мы комнату, у хозяина. Дом располагался в саду. У него была молодая собачка – боксер, ей было месяцев восемь. Мальчик, светло-коричневый, с белой отметинкой на груди.

У хозяина была сестра – добрая старушка. Жила она отдельно, но проводывать брата приходила часто. Собака ее очень любила, встречала с радостным визгом. Старушка любила подшутить над преданностью собаки и начинала при встрече нарочно рыдать, закрывая руками лицо. Собака совершенно не выносила слез и, обманутая в лучших чувствах, по – настоящему страдала. Она

становилась передними лапками на край стула, стараясь отнять руки плачущей от лица, и отчаянно подвывала. Успокаивалась только тогда, когда по нашей просьбе, или просьбе хозяина «плачущая» замолкала. Эти глупые шутки нам были неприятны.

Однажды хозяин подарил мне розу, большую и белую. Я поставила ее на стол. Где он ее взял, не знаю. У него в саду роз не было. Она была какая-то удивительная. Белые лепестки с едва заметным зеленоватым отливом, напоминали тончайший бархат.

Села за письма. С мужем Юрой я переписывалась почти каждый день. А один раз, именно в этот день, решила написать на работу Васильеву, директору нашего проектного института, где я работала начальником сектора генпланов, и откуда ушла в отпуск.

Перед моим отъездом он попросил меня об этом. Он был архитектор и художник по

призванию. У него были выставочные полотна маслом и акварелью. Во время работы мы встречались на планерках и представлении проектов. Каким-то образом немного подружились. Я тоже любила рисовать, умела ценить и уважать таланты.

Подписывая мое заявление на отпуск, он знал, с какого числа я уйду, накануне позвонил мне в отдел и попросил зайти к нему попрощаться.

В конце работы я зашла. Его кабинет находился в другом подъезде ГОСПРОМа. Мы вместе вышли и он пошел меня провожать. Шли мы по центральной Сумской улице.

Это была незабываемая, замечательная «проходка Кабирии». Всеми красками лета сиял безоблачный июльский день. Было радостно от всего – впереди маячил долгожданный отдых, теплое море. Радостно от ощущения своей молодости, которая, я знала точно – никогда не кончится,

от взглядов прохожих, от чувства своей неотразимости.

Мы шли, смеялись, о чем-то беззаботно болтали и незаметно подошли к станции метро «Советская», куда мне надо было спускаться. Остановились в переходе. Васильев поцеловал мне руку и сказал:

-- Если сможете, напишите. Я буду рад!

Мы расстались. Я укатила домой. И вот, в этот день, глядя на подаренную розу, решила написать единственное письмо.

Точного содержания не помню, да скорее всего его там и не было. Никакой конкретики, бытовухи, например, как живем, как устроились. Эта чушь никому не нужна.

Все написанное было предельно безоблачно. Я смотрела на белый шикарный цветок, он нес какую-то поднебесную информацию. Белые плывущие облака по синей глубине летнего неба, вдали гудок парохода, уносящего вдаль чужие мечты.

Роза навевала на меня созерцательное, романтическое настроение. Письмо мое было как бы вне времени и географического пространства. Энергетика цветка была сильная и светлая, парила над весом происходящим.

Отправила письмо и перестала о нем думать. Наш с Олежкой отдых продолжался. Вернулась на работу. Утром звонок в отдел:

-- Пожалуйста, зайдите ко мне.

То, что я услышала от Васильева, меня поразило.

Он сказал:

-- За этот месяц, пока Вас не было, произошли жуткие события, от которых я еле устоял на ногах. В организации работали две комиссии из ЦК. Была проверка всех служб. Работать не давали, сорваны важные обкомовские объекты. У меня в это время умерла мать. На фоне всех потрясений я почти этого не заметил. Как я все это пережил, не знаю.

Ваше письмо было единственным светлым событием. Оно держало меня. Я благодарен Вам.

Вот и все. Просто письмо. Просто роза.

Больница

В дверях стояла Ася.

-- Катерина, иди в шестую палату. Тебя зовут!

Как некстати. Я только собралась пообедать больничной похлебкой. И нате вам, пожалуйста, зовут!

-- Иди скорей, без тебя не хотят обедать! Я положила ложку и вышла из подсобки, служившей нам и столовой и раздевалкой.

Через три недели работы санитаркой в сестринском отделении меня перевели в социальные работники. Повысили! Я уже не обращала внимания, что у меня был диплом о высшем техническом образовании, международный сертификат и лицензия. Постоянная Питерская прописка была утрачена в связи с выездом на Украину.

Работать пошла куда взяли. Сын болел, надо было на что-то жить.

Вошла в палату, где меня ждали, лишая себя обеда. С кровати возле окна раздался голос:

-- Екатерина Геннадьевна, пожалуйста, подержите меня за мизинчик, как вчера! Мне было так приятно, что я даже ночью хорошо спала!

-- Где мизинчик? Давайте его сюда.

Из под одеяла торчала женская нога. Она была вся перебинтована и одета в гипс. Свободным оставался только мизинец, не вошедший в упаковку.

Вчера я во время посещения больной, уже уходя из палаты, дотронулась до мизинца, несколько секунд подержала его в своих пальцах, подбадривая ее, располагая к шутливому настроению, и вышла. Не знала я, какое действие окажет на больную мой произвольный игривый жест.

На другой день история повторилась. Больная отказывалась принимать пищу, пока я не подержусь за ее мизинец. Оказывается, что когда я дотрагиваюсь до ее торчащего пальца, у нее по ее словам, наступает настоящая эйфория. Она уже сетовала, что ей делать после выписки. Я советовала:

-- Попросите мужа!

-- Не-ет, он так не сможет!

Чтобы окончательно не закабалиться выполнением такой необычной процедуры, я поставила условие – оставшиеся дни буду приходить к ней один раз в день. Она согласилась.

Вскоре пациентка выписалась. На ее просьбу приходить к ней домой, я ответила отказом. После каждодневной работы по 11 часов мне надо было возвращаться к сыну, в пригород, где мы снимали жилье.

Мир медицины – это особый мир. Я была с ним незнакома. От некоторых

подробностей я была просто в шоке. В том числе интимных.

В первые дни, будучи еще санитаркой. Я ничего не умела, но старалась изо всех сил. В один из первых дней две санитарки совершали туалет лежащим женщинам. Они встали по обе стороны больной, моментально повернули ее в нужном направлении. Мне дали в руки чайник и Ася скомандовала.

-- Лей!

-- Куда? - Недоуменно спросила я

-- В ....? – с ударением прокричала Ася.

Этот окрик привел меня в чувство. Позже на такие процедуры меня уже не брали. А через несколько дней меня вообще перевели в другой статус, - социальный работник.

На одну сорокалетнюю женщину грянул инсульт. Иногда она заговаривалась, иногда ясно мыслила. Дома у нее осталась собака. Подруга обещала за ней ухаживать, но нас изводила обещанием усыпить ее. Я очень ее

просила не приговаривать собачку, а дождаться хозяйку. Она согласилась.

Привезли 85-ти-летнюю женщину. В прошлом она врач. Сначала тихо лежала. Потом вообразила, что у нее начались роды. Она не имела детей, видимо комплекс их отсутствия не давал ей покоя, живя в подсознании. Я подошла к ней села рядом на стул. Взяла за руку. Погладила. Она изображала роженицу, стонала, тужилась.

-- Я рожаяю! Вот-вот, уже рожу!

-- Да, да и все будет хорошо!

-- Ой-ой, уже родила! Посмотрите, кто, мальчик или девочка?

-- Девочка!

-- Как хорошо! Я знала, что будет девочка! Какая она?

-- Очень славная! Как вы ее назовете?

Она помолчала, как бы отдыхая. Я гладила ее руку, говорила ласковые слова:

-- Все теперь будет хорошо и протягивала нараспев: моя хорошенькая, миленькая,

любименькая, славненькая Верочка Сергеевна!

Мне до слез было жаль маленькую старушку, так и не получившую своего женского счастья в этом мире. И тут я подняла голову к окну.

Возле окна сидел молоденький мед. брат, студент медицинского института. Он измерял давление женщине, но голова и взор были направлены в мою сторону. Он был явно поражен. Таких сцен он в больнице не наблюдал. Все отношения там не зашкаливали через сухость и равнодушие. Пусть у него будет и такая практика!

Привезли женщину такого же возраста. Весь день она вела себя нормально. А ночью никому не давала спать. Открывала все палаты, басом что-то бубнила нечленораздельное. Утром спрашивала: Я вам не мешала?

На другую ночь все повторилось. Дверь за дверью открывала палаты, мужским

грубым голосом что-то сообщала, стоя на пороге. Днем была нормальный человек, а ночью в нее вроде вселялось другое существо. Мы не выдержали и позвонили дочери. Не спать третьи сутки мы были не в состоянии. Дочерей у нее оказалось целых три. Забирать ее приехали все. И внук, парень лет 25-ти. Дочери ее одевали, а он, сидя с ней на кровати, нежно, с любовью, целовал ее в щечку. Дочь сказала:

-- Вы нас простите за беспокойство, мы тоже устали от ее ночных «загулов» и решили отдохнуть, думали, что здесь она поутихнет.

Сестринское отделение – это был такой отдел в больнице, откуда после месячного пребывания клиенты направлялись в психо-неврологический интернат. Сокращенно ПНИ. Для больных это было бесплатно. Содержало государство, но больница не имела права держать кого-либо сверх положенных дней. Платила штраф.

Некоторые родственники не хотели забирать, приходилось нам самим доставлять их домой. В ПНИ была очередь.

Это была тяжелая миссия. И пала она на меня. Чтобы родных не привезли домой, им не оставляли даже одежды. Была зима 1998 года, очень суровая. Приходилось укутывать в одеяло. Ноги тоже заворачивали во что придется и отвозить по адресу.

Я и сама в эту суровую зиму была в одних синих больничных марлевых штанах на босу ногу. Наши вещи находились в Сланцах, куда министерство сельского хозяйства направило сына (Брянцев Станислав Сергеевич, если память не изменяет) на работу в совхоз программистом. Но это, к слову. Итак, отвожу пациентку. Глухим вьюжным вечером, полураздетые обе, в какой-то ледяной машине мы приезжаем по адресу. В напутствие в больничном мне было сказано: «С пациенткой не возвращаться». А дома не

принимают. Невестка через закрытые двери сказала – везите обратно.

Пришлось обратиться в ближайшее отделение милиции. С помощью милиционера удалось ее внедрить в ее же квартиру. Таких случаев было много.

В больнице насмотрелась. Для чего была дана команда руководством прибывшим обязательно делать рентген? У них в основном, проблемы были с головой, на легкие никто не жаловался. Но рентген для них – это было ужасно. Везли их по узким извилистым коридорам, ударяя об изгибы стен, иногда опрокидывая на пол. Привезя на место, их перекладывали в рентгенное устройство другой высоты, вытряхивая из одной люльки в другую с грохотом, как стальную куклу. Раздевали при открытом окне, зимой. И перекладывание обратно на носилки пациента окончательно добивало. Естественно, после «рентгена» мало кто выживал.

Это был мир черствого равнодушия. Но я попала в него поневоле. И больные льнули ко мне. Я еще не остыла от потери моей мамы, умершей в 89,5 лет. И была очень восприимчива к беспомощным.

В больнице была какая-то дата. В мои обязанности входило устройство праздника.

Особый обед, концерт. Я позвонила аккордеонисту, он пришел. Играл, пел. Я села на диван. Сразу ко мне присели больные, ухватились за меня как за островок, обняли за шею, двое с двух сторон положили головы на мою грудь и колени. Меня, вернее нас, сфотографировали.

Вошел главный врач в сопровождении зав. отделением. Раньше он меня не видел. Принимал на работу меня не он. Увидев на диване оригинальную композицию, он спросил у сопровождающей, указывая на меня глазами:

-- Кто это?

Ему объяснили.

-- А почему ее так облепили?

Вопрос, конечно, интересный.

Этот главврач был высоким, молодым представительным грузином. К медицине он имел отношение только в том плане, что собирался жениться на дочери какого-то шишки из горздрав. отдела. Уже был женихом, свадьба была назначена. Приближенные это знали точно. Вся больница это обсуждала.

Вскоре я покинула медицинские пенаты. Зарплата в 208 рублей соц. работнику, ежедневная работа по 11 часов, никак не покрывала съемное жилье с суммой в 500 р. А похлебку давали, если что-то от больных оставалось.

Nasta la vista, senoras!

В поезде

-- Алло! Харьков? Ответьте Киеву!

-- Слушаю!

-- Екатерина Геннадьевна?

-- Да.

-- Я – Татьяна, подруга Люды Егоровой. Должна сообщить. Она вчера умерла. Ее застрелил муж, прямо на ее рабочем месте! Похороны завтра.

Потерянная я положила трубку. Две недели назад мы с Людмилой сидели рядом в зале на симпозиуме в Киеве. Мой доклад был на очереди после перерыва. Мы тихо разговаривали. Я знала, что с мужем она в разводе, ребенок семи лет жил с ней. Но она рассказала, что бывший муж не оставляет ее в покое, несмотря на развод. Он прокурор, вооружен пистолетом как и полагается ему по должности. Постоянно ей угрожает

расправиться, если она опять с ним не сойдется. Сходиться она не собиралась и жила в постоянном страхе. Развелась с ним из-за его ревности.

Я была поражена этим психопатством. К тому времени я была замужем уже пятнадцать лет и меня мой муж никогда не ревновал, он свято мне верил. Даже говорил, что мне верит больше, чем себе. Ему было приятно, что я нравилась окружающим. Он говорил: «Жена, которая не нравится никому, и мне не понравится!»

Услышав от Люды рассказ о такой дикости ее бывшего мужа, мы с ней повозмущались, поудивлялись, но что можно предпринять?

Я посоветовала ей уехать с ребенком к дальним родственникам или знакомым, о которых он не знает. Она обещала подумать.

После окончания семинара мы с ней расстались, она пошла домой, а я в гостиницу. В этот вечер был назначен мой отъезд.

По улицам осеннего дождливого Киева, я шлепала довольно расстроенная горем подруги. Чтобы немного развеяться, я изредка кидала взгляд на витрины магазинов. У меня вообще такое свойство – если какая-то неприятность, я переключаюсь на заботу о внешности. Одеваюсь и украшаюсь. Таким образом, снимаю с себя негативное покрывало.

Итак, понуро, без зонта, шагаю. Рассеянный взгляд на витрину. Стоп. Что это? Мое платье. На манекене. Я выносила его в своем воображении. Именно такое. Даже цвет такой. Смотрю на вывеску перед входом в магазин «Салон мод». Платье на манекене приглушенного темно-бутылочного цвета из модного тогда кремплена, в талию. Рукава в верхней части – буфы, ниже – гладкие, узкие. Длинное книзу – расклешенная четырехклинка. Зашла. Продавцы на меня даже не посмотрели. Но я решительно направилась к ним и сказала:

-- Будьте добры, дайте мне померить платье такое, как на витрине!

-- Но у нас сейчас оно одно. Это платье из Одесского дома моделей. Мы его не продаем! К тому же оно маленького размера, 44-го.

-- Это мой размер, я сниму плащ и вы в этом убедитесь. Пожалуйста!

-- Мы не можем его снять. Манекен же не может остаться неодетым. А декоратора у нас сейчас нет.

Я не уйду. Не отстаю. Это мое платье.

-- Но ведь несложно нарядить манекен в другой наряд! У вас же много. Я могу помочь. Пожалуйста! Вы же говорите, что оно малого размера, если оно будет мало, я его не возьму.

-- Ладно, идите в кабину.

В примерочной я сняла плащ и все лишнее, что на мне было, белые изящные туфельки были с собой. На симпозиуме я

переобувалась. Нарядилась в платье и вышла из кабины.

Меня никто не узнал. Перед продавцами стояла неизвестная им элегантная дама, неизвестно как очутившаяся во время дождя в их салоне. Возглас был общий – и продавцов и посетителей.

Ничего им не оставалось, как упаковать мое приобретение и принять деньги.

Вышла я из салона в приподнятом настроении. Подумала о Людмиле. Но в конце-то концов, можно же и меры принять, обратиться в органы (хотя он сам представитель этих органов), можно уехать. Но главное – попытаться наладить с ним контакт. Нельзя же так грубо обрывать отношения!

Словом, надежда на разумное примирение, не оставляла меня. Ведь он ее любит! По-своему, как умеет.

Я направилась в гостиницу собирать вещи. В гостиничном номере мы жили

вдвоем с Зоей. Она из Полтавы и тоже была участницей семинара. Ехать нам предстояло в одном поезде и в одном купе.

С нами был еще ГИП Романченко, тоже из нашей харьковской организации.

Поезд должен был отходить в 22 часа. Было уже почти то время, но не хватало одного пассажира. Вот тут-то началось невообразимое.

На столике сиротливо лежала колода карт. Моя рука сама потянулась к ней. Год тому назад я дала себе слово – не гадать. Год я выдержала. Но какая-то энергия при виде карт меня бредила. Я отворачивалась и уходила. Дома свою колоду я порвала на мелкие кусочки, рвала долго и остервенело. Не знаю, гадание ли было причиной или совпадением, но со мной происходили всякие неприятности сразу после моего проникновения в сферу других измерений.

Я пыталась понять почему? Есть ли тут связь? Но, видимо, есть. Как-то мой

сынрок Олег точно определил: «Гадать – это все равно, что обкидывать камнями свою дорогу». Но он хотел знать, находясь в Аргентине, что делается в Сибири, где была его дочь Настенька. По картам я точно знала, что там происходит. Мы приехав в Красноярск, преодолев больше, чем полземного шара, убедились в точности предсказаний, несмотря на географическое пространство. В какой-то мере мы были уже подготовлены.

Иногда я не могу отказать приятельнице, успокоить ее, объяснить, разобрать сложившуюся ситуацию. Я же не за деньги гадаю. Я помогаю принять решение. Непонятная энергия так и рвется из меня наружу ключом. Когда в гостях меня просят погадать, я не могу остановиться.. это какое-то неистовство. Ко мне стекается точная информация.

Но должна сказать, что это энергия, заставляющая меня проникать в непонятную

необъяснимую область, идет вразрез с моим желанием.

Я ненавижу этим заниматься. Меня это опустошает и я в очередной раз рву карты. Умение распознавать смысл карточной символики (ни что каждая обозначает, а как они лягут) у меня от бабушки Марьи. Восточные способности она получила от своих Хасымовских предков. Но меня она, естественно, ничему этому не учила, даже не говорила со мной на эти темы.

Итак, поздний вечер. Поезд тронулся. В руке колода. Медленно перебираю. Думаю о Люде. Нет, на нее гадать не буду. Соседям по купе – тоже. Неинтересно! Я же о них все знаю. Но карты в руках и во мне начинает «закипать».

И вдруг, в купе втаскивается четвертый пассажир. Он, видимо, к поезду бежал, еле успел. Взгромоздил вещи на полку и обессилено сел, вытирая пот со лба.

Посмотрев на него, я сказала:

-- Вот! Вы-то мне и нужны!

-- Я! Зачем?

-- Садитесь к столику. Я скажу вам, где вы были и что делали.

-- ???!

Он подсел к столику, ошарашенно глядя на меня. Я перемешала карты. Разбросала. Остановить поток энергии уже ничто не могло. Начала рассказывать. Он был в командировке. Очень сложной, от нее многое зависело. Решались судьбы и его в том числе. Во время выполнения задания у него было стрессовое состояние. Выхода не было. Как все оставить, ничего не найдя? Спасла женщина.

Мужчина был поражен точностью увиденного. И тут прорвало его. Как лавину. Он начал рассказывать, потеряв всякую профессиональную осторожность. Действительно, был в командировке от харьковского обкома в качестве независимого эксперта.

Киевское министерство обратилось в Харьковский обком партии сделать ревизию в одной подвластной ему организации. В кулуары министерства финансов поступил сигнал о крупных махинациях. Чтобы их спрятать была сделана подтасовка в документах. Независимому эксперту предстояло ее найти и доказать. Документы ему предоставленные, состояли из нескольких страниц. Он тщательно их изучил, много раз сопоставлял данные. И – никаких расхождений не находил. Фигурировали также папки с оплаченными счетами. Все, казалось, было в норме. Уже не первый день он ломал голову. Дело казалось провальным. Как он, опытный специалист, признается в поражении? От этого зависит его дальнейшая карьера! Листал и листал измученные материалы. Страницу за страницей перебирал листы расшифровки, останавливаясь на каждой.

И вот на одной осекся. Без всякого значения посмотрел на сотрудницу, она что-то поправила на столе. И на него глянула, едва заметно кивнув головой. И он все понял. Здесь надо искать!

Помощь была неоценимая. Это ведь уже не ворох бумаг, а поиски сузились до одной страницы. Взял расшифровку именно к этой странице. Все сразу встало на свои места! Вот где собака зарыта! Это открытие означало успешный конец ревизии.

За окном стояла глубокая ночь. На верхних полках спали соседи. Только мы с пассажиром не спали. Он никак не мог выйти из своего возбужденного состояния.

Рассказывал о семье, о детях. Предложил дружить домами. Потом о работе в Обкоме. Поведал о главной обкомовской тайне – родственных назначениях на руководящие посты райкомов и горкома. Называл фамилии, кто кому кем приходится. Должна сказать, что мне это было совсем

неинтересно. Я и так знала, как происходят назначения в партийные органы и так далее. Мне уже надоело слушать эту муть. И уже давно хотела спать. Я прилегла на свою полку, но еще долго слушала его ночную исповедь.

Когда наступило утро, все проснулись. Но четвертого пассажира в купе не было. Его нигде не было. Видимо с рассветом у него было «отрезвление», он испугался, что выдал тайну, не подлежащую разглашению. Ведь мы жили в одном городе, все слышали, что он говорил. А он же нас не знает.

До Харькова было еще далековато. Видимо сошел на ближайшей станции к Харькову, чтобы его поскорее забыли и выбросили из головы. Будучи сотрудником обкома партии, он далек был от многих необъяснимых фактов. И вдруг его разгадали. Да и где? В поезде, ночью. Скорее бежать отсюда! Пусть думают: «А был ли мальчик-то?»»

Белые каллы

Череповский позвонил мне в отдел по прямой связи. Попросил зайти. Вошла. Села. Выражение лица Анатолия Павловича не предвещало ничего хорошего.

-- Екатерина Геннадьевна, что у Вас в отделе происходит? Отказываетесь выполнять дежурство на кухне! Соболев ходит с бородой. Да и вы не в той форме! У нас какая специфика? – Колхозы! Заключать договора приезжают солидные люди – председатели колхозов! А Вы в белых брюках! Что они о нас подумают!

На дворе стоял 1975 год.

Насчет брюк, которые я в то утро впервые надела, я ничего не сказала. Шил их лучший брючник в городе, Блейман. Они так хорошо сидели, что мой муж Юра, не советовал надевать их на работу. Только на прогулку. С НИМ.

Но меня будоражила элегантная одежда, и когда Юра на день уехал в командировку, я их все-таки нацепила. И вот, пожалуйста. На счет Соболевской бороды, мне пришлось ее защищать. Насколько я помнила, со времен Петра I, бороду никто не отменял.

А с кухней дела обстоят так. Женсовет составил график дежурств на кухне всех сотрудниц. Для помощи повару. Готовить обед, чистить овощи, в том числе мыть пол в столовой и на кухне. Кому пришла в голову эта дурь, я не знаю. Ведь там была помощница, кухонный работник. Мы в нашу очередь ей платили и она с удовольствием выполняла эти функции. Но Череповскому понадобилось, чтобы мы лично каждая, плюхались в лоханке, оставив свою работу.

Весь мой отдел генплана во главе со мной запротестовал и ни разу никто не вышел на кухню. И в этот раз я ответила ему категорическим отказом выполнять эти функции.

Про себя отметила, что самодурство директора со мной не пройдет. С этим вышла из его кабинета. Отношения обострились. Я намылилась увольняться.

Со мной решила уйти и Аня Радзивиллер. Она и сюда пришла со мной. Решила и в дальнейшем не расставаться.

Аня обожала знать наперед свое будущее. А я – нет. Не люблю. Пусть наступит будущее. И я буду решать, что предпринять. Но Аня, терзаемая неопределенностью, умоляла меня сходить к ее родственнице тете Оле. Она живет в Сухуми, но часто приезжает к сыну, который учится в Харьковском университете. А когда она появляется, к ней потоком идут родственники и знакомые – гадать...на кофейной гуще. И никогда не ошибается в значении символов кофейного рисунка, как говорила Аня. Должна сказать, что позже мы практиковали в отделе гадание на кофейной гуще, и все выпадало самым удивительным

образом. Людмиле Константиновне рисунок на дне чашки предвещал переезд на новую квартиру, в вожделенный район, а на Солтовку – переезд сотруднику с покалеченной рукой. Отчетливо вырисовывался мужчина с безжизненно опущенной рукой, а на его плече кто-то стоял и поднятая рука тянулась к звезде. Сбылось все по кофейному рисунку.

Как только Аня дождалась приезда гадалыщицы, уговорила меня съездить к ней. Из некоторого любопытства я согласилась, тем более, что ничем не рисковала. Абсолютно не верила. Аню интересовал только один вопрос – как и когда у меня сложится с новой работой, а значит и у нее. Поэтому «под чашку» первой села я.

Тетя Оля выполнила с зернами необходимый ритуал, смолола и варила по всем правилам. Дала выпить. Опрокинула чашку на блюдце. Через несколько минут заглянула на дно. Показала мне рисунок.

Символы были четкими. Сказала о моем прошлом, о котором ни Ане, ни ей известно не было. Сказала все точно.

Далее. Оказывается, я попаду в больницу. Потом будут цветы. Подарки! И длительные поздравления!

Я молчу. Спрашивает Аня.

-- Как это длительные?

-- А вот так. Поздравлять будут ее (меня) несколько месяцев подряд! Долго.

Да, вот это поворот! Задача. Аня опять не выдерживает. Ее волнует главный вопрос – работа.

-- Тетя Олечка! А где будут поздравлять, на новой работе или на старой?

-- Никакой перемены работы я не вижу.

Тут уж и я была озадачена. На прежней работе, где мы пока еще работали, меня не собираются поздравлять. Ведь я увольняюсь. С директором такие отношения, что оба, чтобы не встретиться в коридоре невзначай, стараемся юркнуть в любой первый

попавшийся кабинет. Какие уж тут еще поздравления! А на новой – тем более, меня ведь там никто не знает и поводов для поздравлений никаких нет.

Но предсказательница уверенно повторила.

-- Да, поздравлять будут долго.

Вышли мы под впечатлением отгадки. Я решила, что это просто совпадение. А насчет будущего – она ошиблась. Однако же...

Ровно через три дня у меня дома случилось неожиданное. Вечером, идя из кухни в комнату, я потеряла сознание. Очнулась на кровати. Меня принес Юра. До этого у меня болело где-то внутри. Потом проходило. Вызвали скорую. Оказалось, острый приступ аппендицита. Оперировали. Через неделю была дома.

Было начало октября. На больничном мне предстояло находиться до конца месяца.

Однажды вечером раздался звонок в дверь, открываю. Входит Наташа Герасименко, сотрудница отдела.

В одной руке она держала букет белых калл, в другой – сумку с фруктами.

-- Вы знаете, от кого все это? – спросила Наташа. – не догадываетесь?

-- Нет, не имею понятия.

-- Анатолий Павлович сегодня заходил к нам в отдел и спросил меня, поеду ли я к Вам сегодня. И просил передать.

Я обалдела. Вскоре Наташа ушла, а я держала в руке цветы и потеряла способность куда-либо их поставить. Юра еще не пришел с работы. Олег был дома. Он сказал:

-- Что ты на них смотришь? Возьми и нарисуй их.

А я стояла и думала, как же это Череповский преодолел злость против меня, недовольство мною. Что я ему не подчиняюсь, веду себя независимо, конечно, что не касается самой работы, осуждаю его

самодурство. Что-то, наверное, произошло на работе. Посрывали Обкомовские объекты. Я этого не допускала. Надо еще сказать, что Череповский пришел к нам всего несколько месяцев назад. И еще хорошо нас не знал. И теперь обнаружил, что Дьяконовой нет и все стало рассыпаться! Так черт с ней, с кухней, пропади она пропадом! И как я полагала, решил не допускать моего ухода в другую организацию.

Поняв это, я взяла вазу, поставила цветы и стала рисовать. Взяла акварель и в течение часа изображала их на ватмане. Они несколько лет висели на нашей стене, повесил картину Юра. А позже она перекочевала в московскую квартиру двобродного Юриного брата – Левика, Льва Георгиевича Бондарева, писателя, доктора наук, профессора МГУ и друга Н. Дроздова.

В конце октября я явилась на работу. Прогнозы тети Оли продолжали неумолимо

сбываться. Уже была больница. Уже были цветы. Все очень конкретно.

И последующее невероятное пророчество тоже сбылось. Поздравления длились в прямом смысле несколько месяцев. Непостижимо, но факт.

Через несколько дней наступали октябрьские, важные тогда, праздники. На собрании я получила премию, вместе с другими сотрудниками, и поздравления по поводу хороших показателей в выполнении и внедрении новых сельскохозяйственных технологий. Это раз.

В декабре во всю шла подготовка к Новому году. Я была главным редактором стенгазеты. Мы делали ее со всей ответственностью и с большим интересом к теме Нового года. Было много веселья, смеха, юмора. От газеты не отходили. Всем нравились веселые шаржи. Череповский тоже не сидел сложа руки. Его осенила мысль - лучших сотрудников сфотографировать и

фото вставить в «Книгу почета», на вечные времена.

Пригласили фотографа. Фото делали в цвете. В первую пятерку сотрудников «вставили» меня. Череповский у себя в кабинете установил специальную подставку на ножках и водрузил туда книгу с фотографиями. Книга была внушительного размера в бархатном красном переплете. Это два.

В феврале была премия за рациональные предложения – это три.

В начале марта был мой день рождения. Я тщательно скрывала это от всех, и уж, конечно, от Череповского. Мне и в голову не могло придти, что ему до каких-то там дней рождений. Организация кипела, накал страстей по новым технологиям доходил до Обкома партии. Оттуда и шли указания – по содержанию – то привязному, то беспривязному.

А у нас менялись из-за этого все конструктивные технологические чертежи.

Но я недооценивала директора. Он нашел мою дату и время заняться подготовкой поздравления.

Заказал стихи нашей поэтессе Изабелле.

Приведу их здесь:

Из прошлых лет,

до наших дней

Дошла к нам истина одна:

Что женщине лишь

столько лет,

На сколько выглядит она.

Не уточняем сколько лет

Всегда Вы молоды, стройны.

Культурны. Женственны. Умны.

И, в общем, недостатков нет.

Сегодня дружный коллектив

Вас с днем рождения поздравляет!

Здоровья, молодости, сил

От всей души он Вам желает.

Из директроского фонда выделил немыслимую по тем временам сумму, - огромный букет ярко красных гвоздик и великолепное цветное чешское стекло, в виде вазы и двух больших салатниц.

Сделано это было так. Меня пригласили на торжественное собрание в президиум, посвященное дню 8-го марта. Перенос этого празднования совпал с моим днем рождения. В президиуме я спокойно сидела, отвлеченно о чем-то думая. На трибуну вышел председатель месткома Игорь Бургонский. И вдруг слышу: «...нашу дорогую, уважаемую Екатерину Геннадьевну...»

Что такое? Что он болтает? И что делать мне? Мне надо встать, подойти, а меня от неожиданности охватила дрожь, кровь от лица отхлынула, потом прилила. Если бы я хоть чуть-чуть догадалась, что произойдет, я бы не осталась на собрании. Ушла бы. Я жутко не люблю прилюдных

поздравлений. И ведь никто не предупредил!
Как потом оказалось – специально.

Что делать, пришлось встать, подойти к Игорю, принять цветы и кучу свертков.

Это – четыре.

И пять – восьмимартовские поздравления и подарки. Сбылось все. Точнее не придумаешь. Итак, поздравления продолжались с октября по март.

Мы с Аней никуда не ушли, даже думать забыли об уходе.

Забегая вперед, скажу, что Череповский через несколько лет перешел на должность директора в Украинигипросельхоз, а еще через пару лет, защитив кандидатскую, перешел преподавать в ВУЗ на должность доцента.

Вот вам и кофейная гуща!

Кто он?

-- Алло! Харьков? Катерина
Геннадьевна?

-- Да, но я Вас не узнаю!

-- Это Володя.

-- Какой Володя?

-- Из Махачкалы, которому вы спасли
руки!

В это солнечное утро я совершала ежедневную пробежку по аллее парка им. Горького в Харькове. Олег тоже бегал по утрам, но на более длительные дистанции. Туда и на трамвае ехать устанешь. А еще мешают собаки. Я их боюсь. Они на Олега набрасывались, правда с целью познакомиться. Но поди разбери их, когда тебя останавливает, жарко дышит в лицо своей собачей ласковостью.

Итак, в это прекрасное утро бегу вдоль центральной аллеи парка. Добежав до середины аллеи, я где-то близко услышала жалобное кошачье мяуканье. Я остановилась, посмотрела, откуда доносится кошачий призыв. Справа от меня около высоченной сосны стоял мужчина и смотрел вверх, поднимая голову. И тут я увидела на вершине сосны белого кота, смотрящего вниз. Он жалобно пищал. Я подошла к дереву и тоже уставилась на кота. Он весьма рельефно и живописно вырисовывался на зеленых колючих ветвях и слегка раскачивался. Увидев подкрепление в моем лице, кот еще громче замыкал. Я посмотрела на мужчину. Это был нерусский, примерно, лет сорока или меньше. Очень аккуратно одет. Хорошая чистейшая рубашка в полоску, хорошие туфли. Приятное лицо с небольшой бородкой и бакенбардами.

Не каждого проходящего мимо тронули бы вопли кота, сидящего на дереве. А его

тронули. Я высказала предположение, что накануне в парке было празднование, посвященное какой-то годовщине освобождения Харькова, здесь было гулянье и кто-то из детей захватил с собой кота. Кот потерялся. Мы с незнакомцем пришли к единому мнению, что кот не слезет самостоятельно. Ветви были только в верхней части, а весь длинный ствол был совершенно гладким, без единой ветки.

Мужчина оглянулся кругом, искал какой-нибудь предмет, куда положить вещи. Рядом из земли торчал костыль с надписью: «не копать!» Он снял рубашку и повесил ее на дощечку с надписью. Остался в майке и брюках. Следует отметить, что майка и обувь с носками, которые он тоже снял, все сверкало стиральной чистотой. Я потому заостряю на это внимание, что впоследствии эта любовь к аккуратности, скажется для него самым роковым образом.

На груди у него красовался огромный деревянный фигурный крест. Он подошел к дереву, уцепился за ствол и мастерски, профессионально полез вверх. Несколько быстрых, ловких взмахов, цепляясь за ствол босыми ногами, опоясывая его и отталкиваясь, он оказался наверху, держа в одной руке кота. Крикнул мне:

-- Держите!

-- Опустите его на крышу!

Она была рядом. Принять на себя огромного кота с такой высоты я не решилась. Не думаю, что я устояла бы на ногах. Да это было и не к чему. Почти рядом, метрах в трех была большая крыша эл. подстанции. Он так и сделал. Кот плавно приземлился на все четыре лапки. Был спасен. Забегая вперед, скажу, что когда я позже принесла ему еду и молоко, кота уже не было. С крыши он спрыгнул легко и убежал домой. Недалеко от парка было жилье – Шатиловка.

Мужчина слез с дерева, остановился помыть руки и почистить брюки около питьевого фонтанчика. Я стояла недалеко на аллее, ждала, чтобы поблагодарить его за проявленное благородство.

Мужчина вышел ко мне одетый, чистый, причесанный, в руке у него была какая-то бумажка, тоже вымытая в фонтанчике. Он сказал:

-- Вот, нашел возле фонтанчика деньги, 20 купонов. Наверное, Господь Бог дал мне за труд!

И я поняла, что у него в настоящее время с финансами не все обстоит благополучно.

Мы пошли вдоль аллеи к трамваю. Здесь была конечная одиннадцатого маршрута. Сели в трамвай, он был почти пустой. У меня были с собой деньги в запасном карманчике спортивного костюма. Но я пока их не предлагала. Боялась обидеть. Я только спросила.

-- Вы не в Харькове живете?

-- Нет. Не в Харькове. Я живу в Махачкале, здесь я всего несколько дней, проездом, приехал навестить бывшую жену и двух взрослых сыновей. Дальше еду к сестре в Читту. Но на проезд нет денег. Мне необходимо временно устроиться на работу. Но у меня это не получается.

-- Почему? – спросила я.

-- Я сидел.

-- Ну и что? На работу же должны принять!

-- Четыре раза! Понимаете, я сидел четыре раза.

-- Как Вас угораздило? Это надо уметь!

-- Последний раз меня посадили за драку с председателем колхоза. Мы сделали большую работу по строительству колхозной фермы, а он отказался платить. Я не сдержался и прямо в конторе подрался с ним. Кончилось отсидкой.

Он рассказал и о других случаях.

А в настоящее время он отпущен на свободу с хорошей справкой. Но весь его путь через Харьков до Читы, должен прослеживаться в органах с ежедневной отметкой. Т.е. милиция за него отвечает, что он проследует до пункта назначения.

Сейчас для него важная проблема — устроиться на работу куда-нибудь, лишь бы заработать немного денег. Но нигде не берут, учитывая его прошлое.

Я твердо сказала:

-- Я устрою Вас на работу. Как Вас зовут?

-- Володя.

Представилась и я. Какая разница, что он натворил, он же нуждается в работе. Я могу познакомить его с человеком, который даст ему и работу и зарплату и в короткий срок он сможет уехать.

-- Неужели это возможно?

-- Да. И сегодня же!

Трамвай остановился как раз напротив дома на Пушкинской, куда я предполагала устроить Володю. Мы вошли во двор, я показала ему дом – большой особняк, на всякий случай, чтобы потом не ходить с ним туда. Главное, дать координаты, а мне предстояло сейчас подойти к хозяину особняка и все ему выложить.

С Володей я попрощалась, дав ему мой домашний телефон. Чтобы он уточнил у меня, когда ему выходить на работу.

Хозяином 2-го этажа особняка был Саша Звягин. Он был работником нашего кооператива, который назывался «Дизайн». Свою организацию одни из первых в городе мы открыли с Олегом в 1987г., как только вышел «Закон о кооперации». Саша был первым сотрудником, взятым нами на работу. У него был старенький «Москвич», он очень помог нам в нашем новом деле. Занимались мы проектированием, дизайном жилья и животноводческих комплексов. В

дальнейшем Саша открыл свою «контору», у нас сохранились добрые отношения. И жили мы почти рядом. Я знала, что он занимается ремонтом своего дома в связи с приобретением всего второго этажа. Я подходила к подъезду, откуда доносился стук молотков и дрели. Поднялась на этаж. Саша был дома и предстал передо мной во всей красе гигантского роста.

-- Сашенька! У меня к тебе вопрос: тебе нужен работник - молодой, здоровый, умеет и хочет работать?

-- Да, конечно. Давай его сюда!

-- Саша, он сидел. Четыре раза.

Реакция Саши была неожиданной. Он улыбнулся.

-- Ну и что? Я считаю, что такой человек не пройдет равнодушно мимо чужого несчастья. Он вызывает во мне уважение. Приводи!

Я поблагодарила бывшего сотрудника и распрощалась. Через час позвонил Володя. Я

сообщила ему хорошую новость и сказала, что в понедельник он может с утра выйти к Саше на работу. При прощании на Пушкинской, я предложила ему деньги, но он отказался. Понимая его положение, я положила ему в нагрудный карманчик рубашки 100 тысяч украинских купонов. Это был 1995 год, валюта постоянно менялась, эта сумма была пустячной. А на работу ему предстояло выйти только через два дня.

Утром в понедельник я спокойно отправилась в парк на пробежку. Бегу. Добралась до конца аллеи. Повернула обратно. Добежала почти до входа и остолбенела. Из-за дерева выходит Володя. Руки за спиной. Лицо бледное.

-- Володя! Что случилось, почему Вы не на работе?

Он протягивает мне обе перебинтованные руки.

-- Вот. Я постирал белье в субботу. Развесил возле дома. А это негодяй, который

меня не любит и всегда пачкает мне постиранные вещи, на этот раз машиной въехал в мое белье. Запачкал, и оно сорвалось с веревки. Я понимал, что драка мне не простится, но не смог сдержаться и бросился на негодяя. Он повредил мне руки и вызвал милицию. Милиционер, который отводил меня в поликлинику, иначе бы меня не приняли, сказал хирургу: - «не церемонься с ним, это еще тот субъект!» после этих слов хирург мне так забинтовал руки, что все бинты болтаются!. Мне необходимо сделать новую перевязку, укрепить, чтобы трещины не увеличивались. Помогите мне попасть в поликлинику!»

Я посмотрела на бинты, действительно, они болтались. Надо было срочно принимать меры. Из под бинтов уже выглядывала синева.

Вышли из парка. Сели в трамвай. Доехав до своей остановки, я попросила Володю подождать, пока я сбегаю домой

переодеться. Вскоре я вышла, и мы направились в мою районную поликлинику. Это было близко, в двух коротких трамвайных остановках. В регистратуре я попросила направить к хирургу моего родственника, якобы приехавшего в гости. Но оказалось, что кабинет хирурга вынесен в отдельное здание, на Журавлевку. Я знала, где находится эта далекая Журавлевка. Помню, там находилась городская автостанция, где я регистрировала свою машину АУДИ-100.

Пешком туда идти никому не приходило в голову, тогда я, как и все ездили туда на машине. Регулярного транспорта не было, район был новый. С какой стороны Журавлевки лучше подойти к хирургии, я тоже не знала. Моя машина находилась в гараже, под Оперным театром. Но на этот день я не вызывала водителя, так как не предполагала никаких поездок. Ехать ко мне ему надо было с другого конца города, на

трамвае, но давка была такая, что иногда приезжал ко мне без пуговиц. Я решила, что в хороший летний день, можно и пешочком пройти. Вооружившись широкими бинтами в аптеке, мы ринулись на Журавлевку.

Стоял август. День был солнечный, было начало дня. Тихое утро. Я ни о чем не спрашивала своего новоявленного спутника, так неожиданно свалившегося мне на голову. У меня не возникла даже отдаленная мысль поступить иначе. Но у моего сына Олега, когда после спасения кота, я обо всем рассказала ему, была другая позиция. Он не выразил удовольствия тем фактом, что я принимаю участие в дальнейшей судьбе незнакомого человека, да еще такого необычного в нашей среде.

Итак, идем к хирургу. Путь был длинный. Но Володя поразил меня тем, что целые главы духовной классики он читал наизусть. Там было все: и христианская и буддистская и еще не знаю какая религия!

Наизусть выдавал такие перлы религиозной морали, о которых я никогда не слышала! И все это говорилось с чувством глубочайшей веры и духовности, философского восприятия окружающего мира!

Он что, в местах не столь отдаленных был проповедником, или священником? Непонятно. Да и сколько надо времени и терпения, чтобы выучить наизусть десятки страниц! Это что-то на уровне профессионализма в пределах духовной субстанции. Я уже говорила, что увидела на его груди крест, когда он снял рубашку перед тем, как лезть на дерево.

Священник? Проповедник? Хорош рецидивист!

Внешность вполне благообразная, я бы сказала – интеллигентная. Но каков? Несколько взмахов и он на верхушке огромной сосны. А у фонтанчика нашел небольшую купюру и обрадовался.

Вот так жизнь иногда преподносит нам невероятные сюрпризы. Позже было такое и со мной. Когда из-за раскола Союза пришлось уехать из своей роскошной квартиры с балконом в 40 м², с круглой гостиной и всей остальной атрибутикой, (из-за невозможности выжить на Украине), машиной АУДИ-100 и личным водителем, - все это содержать уже было невозможно.

Позже, когда мы с сыном приехали из Аргентины в Санкт-Петербург, всю нищету и неприкаянность мы получили сполна. Когда в поисках работы я зимой 1998 года в 28-градусный мороз в марлевых больничных штанах зеленого цвета, имея в сумке две вареные картофелины, целый день проводила на морозе в ожидании автобуса и необходимых людей.

Причем одна из двух картофелин неизменно отдавалась встретившейся голодной собаке. Возрастной ценз и отсутствие регистрации (в

то время) не давали возможности устроиться на работу. А Олег тяжело болел.

В тот день, когда мы с Володей добрались до хирурга, все кончилось благополучно. Хирург оказался кавказцем, улыбочивым и симпатичным. Он сделал Володе хорошую тугую перевязку, наложив под бинт укрепляющее средство.

Володя из кабинета вышел с радостным видом. Следующей его заботой было достать денег на проезд, заработать он теперь не мог. И у нас с работой было все закончено. У меня не было таких сумм. Да он и не просил. Но ему необходимо было позвонить сестре. У меня с собой было 500 тыс. купонов одной бумажкой. На звонок этого должно было хватить. Он поблагодарил и мы расстались. Больше не увиделись. Через несколько дней он позвонил мне домой и сообщил, что уезжает в Курск, куда за ним приехала его сестра, оповестив его телеграммой. Почему именно в Курск, я не уточняла, может быть, у

него там жили родственники. Главное, что вопрос решился хорошо. Я спросила про его руки. Он ответил:

-- Спасибо. Заживают.

Так он пострадал от любви к чистому белью. И был готов драться за справедливость.

Звонком из Махачкалы Володя благодарил меня за помощь в его непростом деле. Хотел с подарками приехать в Харьков, но Олег, сидевший в комнате, сделал мне отрицательный знак головой, чтобы я не приглашала. Я поблагодарила за звонок и сообщила, что мы скоро уезжаем за границу.

А через год, когда мы оказались одни в Питере, без еды и жилья, я невольно подумала, что Володя нам здесь очень бы пригодился. Я уже получила регистрацию и Олег тоже. Мы могли бы быть полезны взаимно. Но я не спросила ни телефона, ни адреса. Таким образом, напрочь исключила

дальнейшие отношения. Я пожалела об этом.
Такая вот история.

Кафедра.

-- Екатерина Геннадьевна! Я готов все для Вас сделать! Любую работу. Хотите, я Вам пол помою?

Володя Демьяненко бежал за мною по просторному институтскому вестибюлю.

--Попросите Мельникову подписать мой договор!

-- Володя, помыть пол я могу и сама. Что стоит этот пол по сравнению с тем, что Вы творите! Наташа – архитектор и я по ее просьбе заключила договор на архитектурный проект, а вы ее забираете на технологическую тему, там архитектор не нужен. Чем же она будет заниматься? И что делать мне с подписанным договором? А Вы говорите глупости – пол помыть!

Лидия Андреевна, заведующая нашей кафедрой так ему «помыла пол», как она умела это делать. Она никогда не допускала

неправильности в работе кафедры и между сотрудниками.

Она знала, что у меня уже подписан договор с заказчиком. И когда Володя принес ей на подпись свой договор, где также фигурировала Наташа, как и в моем, она отказалась его подписывать, заставив переделать штатное расписание.

Видимо, об этом его попросила Наташа. Володя всегда был доброжелательным человеком, обладал тактом и чувством юмора, около него всегда группировались товарищи по кафедре, друзья, и дома и на работе, готов был всегда прийти на помощь. Но в этом случае готов был лишить меня договора, т.е. конкретной работы, а взамен предлагал..., я думаю, это была шутка для смягчения вопроса. Он, видимо, был уверен, что я справлюсь и без архитектора. В результате – он поменял штатное расписание, у нас с ним восстановились прежние хорошие отношения.

Все праздники отмечали у четы Демьяненко. Хотя там все были молодые, меня часто приглашали праздновать с ними. Разницы в возрасте я не чувствовала. Жена Володи – Валентина тоже работала с нами на кафедре, мы работали над общей научной темой.

Лидия Андреевна первая протянула мне руку, когда на третий день после похорон мужа, я явилась на работу. Она сделала мне приглашение отметить вместе Новый, 1982 год у нее дома. Но к нам приехала мама, и мы втроем встречали наступающий Новый год.

В последующие знаменательные даты я часто бывала у них с Григорием Ивановичем.

Прогулки за город на их машине мы тоже совершали неоднократно. Однажды взяли с собой наших кошек. Они резвились на природе, бегали, где хотели, но машину из виду не теряли. По дороге туда моей Рике

стало плохо, и она сделала одно дело, а по дороге обратно сделала другое дело!

Она так «оформила» чистенькую машину, что Григорию Ивановичу пришлось немало потрудиться, чтобы привести салон в надлежащее состояние.

Мне очень помогала теплая дружба Лидии Андреевны. И в тот период, когда мы на несколько лет расстались (после Аргентины мы осели в С-Петербурге), я все время видела ее обращенное ко мне лицо.

Однажды я тяжело заболела. Предыстория этой неожиданной, свалившей меня на месяц болезни, крылась в моих необдуманных поступках и самоуверенности. Увлекаемая моей подругой Галиной, моржихой с большим стажем, я поплелась с ней в общество моржей. Но прыгать в прорубь воздержалась. Хватило ума! Раздевшись до купальника, босиком, порядочно времени провела на льду. Без подготовки, это даром не прошло. Но если бы только это! Возникла

бы обыкновенная простуда. А я на другой день поехала в командировку в Липцы, - это под Харьковом.

Были сильные морозы. Искусственная шубка плотно не прилегала, и под ней гулял ветер. Рейсового транспорта я не могла дожждаться в течение трех часов. А другого не было.

Я перемерзла. Приехав домой уже под вечер, я не приняла никаких мер к недопущению последствий стресса холодом для организма.

В этот злополучный день я от Заказчика не добилаь успеха , а закрывался очередной этап работы. На другой день я опять предприняла поездку в Липцы. На этот раз вопрос подписания акта решился благополучно. Но на дороге я опять простояла до полного замерзания.

На следующий день пришла в библиотеку им. Короленко заниматься вопросами изобретательства. Перед этим я окончила курсы патентования и изобре-

тательства (параллельно с работой на кафедре в должности ст. научного сотрудника) и очень увлеклась этой работой.

Надо было заниматься поиском различий между предыдущим изобретением и новым. Найдя отличия, составить формулу.

Это интересный процесс, такое чувство, вроде ты улетаешь в поднебесье. Подобно этому чувству, я испытываю, когда занимаюсь переводами с незнакомого языка. Или когда рисую, и на полотне появляется изображение. Это, наверное, и есть творчество.

Итак, сижу в библиотеке, обложила папками и вдруг чувствую, что мне плохо. Вот-вот упаду. Поскорее, чтобы не свалиться, сдала библиографу материалы и держась за что только можно было, направилась к выходу. Выдержала две остановки трамвая и – я дома. Свалилась. На этом поиски различий навсегда закончились.

Что же произошло? Не было ни кашля, ни простудных признаков. Случилось гораздо больше. От сильного переохлаждения ушел из организма витамин В. Вся группа. Из-за этого произошел разрыв перифрических нервных волокон. 30% тела покрылось ожоговыми розами. Тончайшие периферические нервные паутинки лопнули. Боль была нечеловеческая. За 10 дней ко мне 18 раз приезжала Скорая помощь, днем и ночью.

На одиннадцатый день меня положили в больницу.хлопотали Демьяненко – Володя и Валя.

В больнице – 6 уколов витамина В плюс алоэ, через неделю поставили меня на ноги. Да еще кварц.

В больницу ко мне приходила Лидия Андреевна приносила мед. Приходили – Олег, сынок. Демьяненко – оба, другие сотрудники, друзья, Галка – моржиха. Юра Никишев – старый друг по работе.

Ко мне валили валом. Соседи по палате спрашивали друг у друга: «Кто она? Почему столько народу?» а ночью ворчали – почему я стону. А меня впору было бы отправить в ожоговый центр, тело пылало красными узорами.

Едва я поднялась с больничной койки, пошла бродить по больнице, попала в небольшой зал, где стояло пианино. Вот уж где я разгулялась! Притащила стул и начала бренчать.

Пианино было расстроенное, но это не мешало мне наиграть свой любимый вальс, который только и умею играть, со странным названием, которого не знает ни один музыкант – «Средь полей широких..»

Я выздоравливала. Уже была ранняя весна, начало марта. Вальс я играла 100 раз, он был гимном моего выздоровления. Слушателей набилось порядочно!

Вскоре пришел сынок и забрал меня из больницы. На кафедре меня встретили тепло. Даже Зайцева сказала угрожающе:

-- Пусть только Заика попробует не подписать договор Екатерине Геннадьевне!

А Заика мне как раз все подписывал.

Когда к нему в приемной образовывалась толпа и входила я, чтобы занять очередь, меня пропускали вперед, говоря, что после меня у него улучшается настроение, и он всем все подмахивает.

После больницы Юрий Никишев предложил мне руку и сердце. Он был геолог. Много путешествовал. Собирал камни. Мне дарил много аметистовых изделий. Я отказывалась от камней. И от замужества. Кроме дружеских чувств других он абсолютно не затронул.

Перед Аргентиной я попрощалась с ним по телефону. Он был болен. Уже в Аргентине его сестра сообщила мне о его кончине.

Надо сказать, что командировки в районы были постоянной нашей профильной работой. Но если эта командировка была сопряжена с тяжелыми последствиями, то другая...

Как-то летом проректор по науке Заика был в отпуске. Я решила этим воспользоваться. Сделала техноэкономическое обоснование на скучную тему: «Повышение производительности труда вследствие улучшения условий труда в цехе завода». Завод я выбрала ни где-нибудь, а в Сочи! Именно там находился потенциальный жених.

Заведующий НИСом Шилкин не смог устоять против здравого смысла повисить производительность труда на Сочинском заводе железобетонных конструкций, не нашел убедительных доводов для отказа подписать мне командировку.

И я укатила к морю. А месяц тому назад я впервые побывала в Югославии. И

еще не остыла от впечатлений. Компания врачей (по их профсоюзу я была включена в группу), знакомство с новыми подругами (моржиха Галка была зав. лабораторией в род. доме), путешествие по Адриатике, изумительное перламутровое море, виноградная водка под аккордеон на корабле, белые чайки, летящие за нами, резвились, делая игривые виражи.

В Сочи летела я будучи шоколадного цвета, в белом прилегающем сарафанчике. Знакомство с «женихом» состоялось по обрывку газеты, где было напечатано объявление на знакомство с женщиной лет 30-ти, можно с гаком. Ему 40.

Объявление мне показалось очень забавным. И я решила откликнуться. Мой «гак» был длиной примерно в 15 лет по отношению к 30-ти. Когда я прочла письмо вслух на кафедре, все от смеха лежали под столом. В конце письма я написала, что у

меня есть кошечка Рика, есть ее фотокарточка, а там заодно и я. И отправила.

Очень быстро я получила ответ. Звали его Иван Владимирович Тягушев. Он писал, что после получения письма и фотокарточки, он ликвидировал 200 переписок, касающихся знакомств. Осталась одна – моя. Все 200 стали ему неинтересны. Я – «воплощение его мечты».

Величину «гака» я искусно обошла, заменив его на неопределенное чуть-чуть. Позже соседка по дому, где он жил, приняла меня за его дочь!

Приехал он с Сахалина по договору обслуживать эл. автоматическую станцию, обеспечивающую электроэнергией часть Сочи и Абхазию. Границей была река ПСОУ, на берегу которой он жил. Квартиру ему выделили в двух уровнях – три комнаты и огромная веранда. Все удобства.

Когда я приехала, за плечами был уже год почтового романа. С обеих сторон было

много стихов. Он сочинял сам, а я, не надеясь на свои растерянные поэтические «таланты», отправляла стихи из сборников М. Цветаевой, В. Тушновой, С. Куняева и др. Надо сказать, что, будучи уже несколько лет одинокой, переписка помогала мне.

Каждый день, приходя с работы, из ХИМЭСХа, я находила в почтовом ящике хорошее, теплое письмо, иногда фотокарточки. И все же, вскоре я решила прекратить эту почтовую тупиковую игру.

Мне было ясно, - этот человек не для меня. Я сообщила ему об этом. Боже мой! Какой шквал эмоций я получила в очередном послании! Умолял продолжать знакомство. Он этим живет! Хорошо, подумала я. Пусть это будет и дальше моим развлечением, если оно кому-то помогает. Буду отвечать. Я люблю писать. Мои письма не были заурядными. Мои письма наполняют меня же вдохновением, заряжают энергией, новым смыслом и создают романтический настрой.

А Иван строчит:

«...Лишь ты поверь, поверь в меня,
Как в землю вечно верят корни,
Как верит в жизнь корней земля!..»

Телеграмму о приезде я не давала, хотя он просил. Встретились на пороге его квартиры. Он взял меня на руки и понес на веранду. Познакомил с друзьями Гришей и Максимом, гостившим у него. Он поселил меня в комнате на втором этаже.

На другой день, утром я отправилась в Сочи, на завод, отметить командировку. А вечером были приглашены на корейскую свадьбу. Я облачилась в свое легкое, лимонного цвета, платье, снятое с манекена в ЦУМе в Москве, пролетом из Турции в Харьков, нацепила египетские сабо из темно-синего гипюра на тонкой шпильке и чувствовала себя царицей бала.

Влюбленность Ивана будоражила меня, наполняла чувством эфирного счастья. Неделя сплошной романтики у моря

пролетела быстро. Он проводил меня в аэропорт Адлера.

Не буду утруждать читателя описанием дальнейших отношений, как я еще не раз за десять лет знакомства ездила в Сочи в отпускной период, а он в Харьков. Мы были разные люди, и разрыв был неизбежен. Он не мог понять, что чтобы соответствовать его идеалу (а он к нему стремился), нужно быть не просто женщиной, а Жар-птицей. Ему нравилась моя элегантная одежда, поведение, характер, образованность и другие качества. Но при этом, он считал обязательным, чтобы его подруга ездила в Сочи на работу, так как в долине, где стоял его дом, работы естественно не было. А сообщение с Сочи было только на перекладных. Она должна была при этом превосходно выглядеть, иметь красивые ногти, и еще ухаживать за его огородом. А он будет помогать! Мне было абсолютно ясно, насколько такие пожелания

были смехотворны. И не относилась к ним серьезно.

Годы спустя я превратилась в бизнес-леди. Но что интересно, примерно за год до моего превращения я решила его по-своему проучить за неадекватность понятий. Под диктовку моего сына я написала ему письмо, набрала на компьютере текст, от которого хохотала до слез. Олег умел поддать такую смешинку, что на ногах не удержишься. Тем более, он хорошо знал Ивана и его слабые стороны.

Мы сообщали, что на меня неожиданно свалилось наследство, купили две иномарки, много путешествую, с телохранителями, которые носят мои чемоданы, сопровождают. Якобы прошедшим летом во Франции я познакомилась с родственниками греческого магната Онассиса, гостила у них на шикарной вилле, каталась на их яхте в Мраморном море под алмазными сводами!

И он всей этой чуши поверил!

А наша выдумка начала превращаться в быль! Только не наследством, а организацией трех предприятий, которые мы с сыном вели 10 лет.

Многое было похоже, иномарки, телохранители, счет в банке. Сбылось все кроме «алмазных сводов». Я просто к ним не стремилась, зато были знакомства с родственниками Марчелло Мастрояни. А так же с сестрой Квентина Тарантино – Мабель. Об этом в книге.

Итак, я достигла цели – прекратить отношения с Иваном. Я была до предела загружена организационной работой. На подряде у нас работали многие ведущие специалисты Харьковпроекта, Гипровуза, Украингипросельхоза и др. У них в то время не было заказов, да и дополнительный заработок нужен был всем.

Но еще до этого, из ХИМЭСХа – командировка в Элитное. Направились мы туда с сотрудницей Валентиной Ивановной

Демьяненко. Долго ждали директора совхоза для оформления договора. Было лето. Невдалеке пшеничное поле. Колосилась пшеница. Ровно плыли белые облака, синева неба завораживала. Мы валялись на траве, вдыхали запахи земли и упивались счастьем вечной молодости.

Это было время начала почтового романа. Во мне искрилось и переливалось множеством алмазных граней мое взбудораженное состояние. Я пела романсы Окуджавы, «Не уходи!» и др. Валя сказала: «вы влюблены!» - «Нет» - ответила я – это моя реакция на чужую влюбленность.

С Валентиной Ивановной мы часто бывали вместе. Импровизировали, много смеялись. Интересный она человек. Невыразимыми путями молча заставляла раскрыться. Поразительное умение впитывать в себя происходящее, одной фразой дать точную оценку событиям. Искрящиеся золотистые глаза смеялись и

сияли от радости и возможности видеть этот мир, взаимодействовать с ним.

Она одна заменяла собою целую аудиторию и слушателей и критиков.

Так, у Андрея Дементьева: «Пусть другой гениально играет на флейте, но еще гениальнее слушали вы!»

Следующая поездка в Элитное была уже в моем единственном числе. С электрички я шла через пшеничное поле по узенькой тропинке. Навстречу замаячила черная точка. С каждым шагом она увеличивалась, наконец, превратилась в гладкошерстную небольшую собачку. Поравнялась со мной. Из скромности не остановилась. Не остановилась и я. Но чего мне это стоило! Глазки умные, озабоченный, обреченный взгляд. Куда-то спешит! Маленькая, одинокая. Сделав несколько шагов, я сказала себе: не буду оглядываться! Ведь я еду в Совхоз по делу. Я не могу взять собаку, но и

на дороге я не могу ее оставить – брошенную, маленькую, беззащитную!

Какое мне мучение! Сделав еще несколько шагов, я оглянулась, приостановилась. И – о Боже мой! Она тоже остановилась и смотрит на меня с ожиданием, что я сделаю дальше?!

А что я сделала? Я побежала к ней со всех ног навстречу, а она сорвалась с места и бежала ко мне. Я схватила ее в объятия, она вскочила прямо ко мне на руки.

Мы стояли посреди поля, прильнув друг к другу душой и телом, как два самых близких на земле существа. Мы не могли оторваться друг от друга. Я плакала. Разлука была неизбежна.

Домой собачку я взять не могла, моя Киска Рика не выносила собак. Да у меня и в плане не было иметь собаку. Приходилось часто уезжать.

В совхоз я принесла ее на руках. Она доверчиво прильнула к моей щеке и таким

образом мы с ней дошли до гаража. Нашла начальника гаража, попросила устроить в добрые руки.

Собачка ему понравилась, он принял ее из моих рук в свои, обещал устроить. Мы расстались. Груз с души немного спал. Я пошла по своим институтским делам.

Вот такая была встреча в очередной командировке.

Вскоре, далеко позади, осталась институтская жизнь. Нас завертела новая. Мы находились на подступах к непредсказуемой жизни. Для нас с Олегом началась новая эпоха, упоительный сладостный воздух свободы наполнил нас с головы до пят. Неизведанное счастье и небывалые тяжелейшие головоломки свалились на наши, уже беззащитные головы.

Легендарный Артем Тарасов мелькнул перед нами с телеэкрана, заплативший партвзносы в сумме 3 миллиона рублей, уже владеющий каким-то бизнесом. Он – физик и

настоящий ученый, придумал и создал в своей лаборатории аппарат по лечению рака. Он был олицетворением того самого необыкновенного времени, когда душа изнывает от предвкушения свободы.

Первые месяцы дела у нас никак не шли. И как-то раз мы с Олегом шли через сквер на Пушкинской (возле церкви). Раньше, еще недавно, здесь было знаменитое кладбище с очень красивыми надгробиями. Там похоронена бабушка мужа, Олежкина прабабушка. Мария Карловна Блюм, урожденная баронесса. Ее отец - барон Карл Блюм служил в русской царской армии. Имел высокий чин. По-русски говорил неважно и однажды приказал денщику принести сапоги. Но сказал не сапоги, а «козу», имея ввиду, кожу. И денщик приволок ему за рога козу.

Женат он был на Анжелике Травгутт, чистокровной полячке, родственнице Костюшко Тадеуша. По БСЭ я частично

проследила степень родства. Кстати, в Питере есть и улица и микрорайон с названием его имени.

Итак, идем с Олегом через бывшее кладбище днем, разговариваем о наших делах. В то время мы и не могли ни о чем другом разговаривать.

Олег веско сказал:

-- Из того, что останется после выплаты миллионного кредита и других выплат, десять тысяч жертвуем церкви. Я подтвердила.

Слово выполнили свято. Как только вернули кредит, образовался небольшой остаток. 10 тысяч я сдала в банк на счет церкви. Позже я поговорила с батюшкой, он поблагодарил, но просил в следующий раз не сдавать в банк, лучше наличными, так как налоговая значительно пощипала сумму.

Десять лет свободного плавания в собственных организациях! Это был неоценимый опыт, пригодившийся нам

впоследствии, в Питере, когда судьба забросила нас сюда, напрямик из Аргентины.

Но как только мы выполнили обещание, дела наши пошли уже на многомиллионный счет.

Заказы валили валом, минуя закрепленные за организациями проектные институты. Из-за непомерных налогов не светило бы что-то заработать. После расхода всех средств на налоги, проценты кредита и зарплату исполнителям, оставалось всего 2%! Жизнь заставила крутить кружева. Поневоле стали «крутыми».

Без сучка и задоринки это продолжалось 10 лет. Даже у налоговой выиграли в Арбитражном суде 150 миллионов тогдашних украинских купонов. А что они обозначали? Гараж и две иномарки. Для получения заказов в России я в министерстве строительства получила международный сертификат.

И только в 1996 году, после отделения Украины, через несколько лет, Россия прекратила финансирование. Мы закрыли все три свои организации и укатили в Аргентину, в 1997 году.

I Sea usted, en la Argentina!

I hasta la vista, Ykraina!

Люся

Эта неприятная история произошла со мной в день рождения моей приятельницы, Люси Кулагиной.

Она, как и я, преподавала в ВУЗе, только она в ХИСИ, а я в ХИМЭСХе. И жили мы в одном доме и на одном этаже. Часто бывали друг у друга, и вместе прогуливались в свободное время.

Итак, Люся пригласила меня на свой день рождения. По телефону она сообщила, что в гостях у нее будут известные мне подруги и в виде сюрприза для гостей она приглашала двух особей женского пола, выдающих себя то ли за оракулов, то ли за предсказателей, выступающих по телевизору. Люся фанатично верила всем, кто выдавал себя за таковых. А я к новоявленным «знаменитостям», да еще и лезущим на СМИ, отношусь весьма скептически. Подумала: что

мне до них, не мои же это гости! Приглашение приняла. И совершила большую ошибку. Я не послушалась моего внутреннего голоса, который никогда меня не обманывал. Он четко мне говорил: не ходи!

Можно ведь было, после ухода гостей пойти и поздравить Люсю. Но меня подвела обычная моя самоуверенность и я не избежала тяжелых последствий для Люси и для меня. Позже я сделала вывод: никогда не ходить в компанию, с участниками которой я незнакома. Хоть с одним человеком не знакома.

Итак, начисто отбросив разумные доводы внутреннего голоса, я собралась, взяла подарок, и, увидя в зеркале свое отражение, с хорошим настроением направилась к Люсе. Ее подъезд был рядом. Идти было шагов десять. Но я шла и меня поднимала какая-то сила. Я словно пролетела эти десять шагов. На ее второй этаж я тоже

как бы взлетела. Меня это не удивило, т.к. я часто находилась в состоянии полета.

В передней встретила меня Люся. Я обняла ее, поздравила и перед тем, как войти в гостиную, посмотрела в зеркало. Это был 1995 год. Тогда я еще не боялась зеркал. Они приносили мне радость и удовлетворение. В зеркале я увидела нарядную, элегантную женщину, совершенно неприземленную.

Вошла в гостиную. Все гости уже сидели за накрытым столом, поздоровавшись и всех поздравив, я села за стол, куда проводила меня Люся.

Заметив быстрый, недобрый взгляд незнакомой соседки (Люся назвала ее имя). Я легко посмотрела в ее сторону.

Не успели поднять первый тост, во здравие моей подруги, как вдруг соседка по столу, - выдающая себя за Оракула, поворачивается ко мне и громко провозглашает: «Я должна сказать, что Вы скоро умрете! Трех лет не проживете!»

Эта была такая невыразимая дикость, так не вязались эти пророчества с ситуацией, что все замерли и поставили на стол свои рюмки.

Мне-то было понятно, что это был дешевый выпад, чтобы подавить мою волю и привлечь к себе внимание. Она сразу почувствовала ее, как только я вошла. Я почти не взглянула на нее, но моя энергетика полностью накрыла ее ущербную сущность. Она не смогла сдержаться и предприняла избитый прием, атаку: ошарашить! Подавить!

Но она была глупа, и не рассчитала своих сил. Последствия для нее были губительны.

Продолжаю рассказ. За столом полная тишина. Люся, вместо того, чтобы возмутиться, начала бормотать что-то в защиту «предсказательницы», что-то вроде того, что мол «спасибо за предупреждение». Меня возмутило Люсино поведение. На меня

предпринята настоящая энергетическая атака, у нее дома, и она считает это нормальным.

После этого, я не могла оставаться там ни на минуту. Сразу встала и направилась к выходу из квартиры. Люся бежала за мной, уговаривала. Я не слушала, мне там было не место.

Через две минуты я уже была у себя дома. Олег удивился моему приходу. Я рассказала о случившемся. Он был возмущен и одобрил мой уход оттуда. Я так вся кипела, что во мне не осталось ни единого места, где бы могло зародиться хоть крошечное оправдание оскорбившим меня своим нападением и его защитой, людям. Из меня летели такие огненные стрелы в обидчиков, что я знала, они не устоят на ногах.

Последствия были таковы, что вынуждена о них подробно рассказать.

Весь вечер звонила Люся. Плакала. Раскаивалась. Но я изменить уже ничего не

могла. Мой ответ уже полетел на их выпад. Никакое прощение с моей стороны не могло остановить мощный заряд растревоженной энергетики.

С Люсей стали происходить невообразимые вещи. Стали нарывать все пальцы обеих рук. Буквально на следующий день покрылись гнойными воспалениями два пальца и всю следующую неделю заболели все остальные. Она их перевязала, но не могла даже умыться. Я ее жалела, предлагала обратиться к врачу. Но она боялась операции. Какой-то студент из ее института обещал отвезти к своей бабушке – знахарке. А пальцы отмирали с дикой болью.

В субботу я зашла к ней. Картина была жуткая. Она сидит с распухшим лицом, видимо – температура. Все десять пальцев в бинтах. И она ждет студента, чтобы ехать к его бабушке. Я сказала: «Люся, какая бабушка, ты потеряешь пальцы! Уже

седьмой час вечера, поликлиника закроеется! Пойдем срочно к врачу!»

Но она еще сопротивлялась. Тогда я сняла с вешалки ее куртку, надела на нее, помогла ей обуться, и почти силой вывела из квартиры. На улице она уже не сопротивлялась, а покорно шла со мной за руку. В регистратуре нас быстро записали и направили к хирургу. Я ввела ее в кабинет и осталась ждать за дверью. Она потом рассказывала, что врач, размотав ее бинты, пришла в ужас. Еще бы чуть-чуть и Люсе пришлось бы удалить пальцы. Она дотянула, что уже пошло заражение. Врач сделала ей соответствующую манипуляцию по удалению гнойных очагов.

В кабинете Люся находилась довольно долго. Руки были спасены. Через несколько дней, когда Люся уже могла брать трубку телефона, ей сообщили, что «оракулы» валяются пластом, все «оракульство» с них

слетело, их никуда уже не приглашают, они профессионально умерли.

Все получили за свое - Люся за беспринципность, «оракулы» - за злобность, направленную на сильную, светлую энергетику.

Не устояла и я. Ответ на пережитое нападение я получила в виде рикошета. Как отдача от винтовки. На следующее утро после случившегося, мое лицо было обнесено маленькими красными точками, как от комариных укусов. Но комаров не было. Красные точки, не чесались, но изрядно портили лицо. А у меня были назначены важные встречи по делам организации. В то время мы с Олегом уже владели тремя.

Встречи я не отменила. Вполне можно было отнести это к комарам.

Только через три недели мое лицо полностью очистилось и больше никогда со мной такого не случилось. Я сделала для себя

выводы. Голос подсознания надо слушать.
Он самый верный советчик!

Допрыгалась!

Смеяться разрешается.

Боже Праведный! Что случилось? Где это я? Чуть приподняла голову. Невидящим взглядом вперилась в стену. Вот я, оказывается, где! – долетает до моего сознания. Но как меня угораздило?

Распластанная, валяюсь на бетонной площадке перед входной дверью в дом. О «подняться» не может быть и речи. Как в том случае, когда еврей поехал в Америку мыть окна в многоэтажных домах и завис между домами. Кричит: «Спасите!» а ему кричат: «Прыгай!» Он вопит: «Об испрыгнуть не может быть и речи! Помогите как излезть!»

Возле меня стоит девушка, протягивает руку. Какое там! Сейчас и башенный кран меня не поднимет. Никакой целостности субъекта, тело разбито. Но надо же

освободить вход и вползти в отверстие кодовой двери. На правую руку опереться не могу. Она побита. Левая – уже не рука, а огненная пружина, прижатая к бетону моим телом. А где остальное брэнное? Ага, вот слева, там, где ребра, и под ними источает сильную боль и тело не реагирует на попытки подняться. Да и стоит ли? Опять эта тягомотина! Вот была бы удача сейчас все и закончить!

Да, а моя киска Лоточка! Она же ждет! Ей надо принести лекарство. Кое-как оперлась на тоже разбитую, но меньше, чем левую, правую коленку, усилием воли оторвала покалеченное тело от ненавистного бетона и втащила в открытую консержем дверь. Тошнит. Видимо, сотрясение.

Дальнейшие мои передвижения до прямого попадания в районный травмопункт с помощью маршрутки и автобуса описывать не буду. Скажу только с каким багажом установленных повреждений я глубокой

ночью покинула его. Двойной перелом левой руки, двух ребер, ушиб всего, что под ними, легкое сотрясение мозга, разбитый подбородок (об собственный металлический термос), оба локтя и оба колена – разбиты – вот неполный перечень. Транспорта в мою сторону никакого нет. Стою одна. Редкие прохожие. Прохладно, но загипсованная рука не дает возможности натянуть куртку. А над моим сердцем тоже ничего нет. Как будто только легкая кожица покрывает его. Оно бухает ничем не защищенное.

Не буду скучно описывать, как я на перекладных добралась до своего жилья в два часа ночи. Как встретила меня истосковавшаяся моя кошечка, просидевшая одна с утра до 2-х часов ночи. Как она терлась об меня, требуя внимания. А я от боли молча выла. Меня тошнило и покачивало.

Была глубокая ночь. Я стояла перед кроватью и не могла лечь. О раздеться не

могло быть и речи. С большим трудом, кое-как мне все-таки удалось взгромоздиться на наше с киской ложе. В голове некстати звучит старинная песня (еще от мамы): «Ах зачем эта ночь так была хороша, не болела бы грудь, не страдала душа!»! Про себя отметила, что чувство юмора даже теперь не покинуло меня. Киска от радости, что я пришла, начала скакать, по полу, по ковру до потолка и с высоты – на кровать.

Я защищала гипс здоровой (относительно) правой рукой, но все равно мне досталось. Когда порция счастья и радости была ею вычерпнута, она умиротворенно улеглась на колени.

Шевельнуться я не могла. Меня начало дико трясти. Дрожала кровать. Переломанная рука горела, гипс нагрелся так, что на нем можно было поджарить яичницу. Была высокая температура. Но до градусника, я бы не смогла дотянуться.

Итак, бешено трясет, стучат зубы. Кошка не выдерживает. Уходит от меня спать в кресло. Я ее понимаю. На ее месте я бы давно от такого слиняла.

Но она слишком хорошо обо мне думает! Через некоторое время приходит опять. Но зря! Меня подбрасывает от кровати на невообразимую высоту, я пытаюсь прижаться, но легкое израненное тело набирает скорость. Кошка пулей слетает с моих разбитых коленей прямиком в кресло, оно хоть не дрожит и не нагревается до одурения. А эта старая дура...Что ей надо? Чего она колотится? Наверное, брякнулась где-нибудь.

Далее, успокою читателей. Утром я пошла на работу! На Сенную площадь, куда мы переехали. Две посадки в транспорт – по Культуре и в Озерках. И прямая на метро – до Сенной. Это счастье, что на работе мне не надо махать руками, а с остальным я справлюсь.

Мой убийственный вид на работе восприняли очень сердечно. Даже отправляли домой. Но не на ту напали! Я как боец. В строю – до конца.

А на третий день рука под гипсом вспухла и приобрела багровый цвет. Торчащие из под гипса пальцы напоминали переваренные сосиски. Мне было ясно – надо срочно тащиться в травму, что я и сделала. Гипс настолько впился в распухшую руку, что специальными ножницами разрезать не смогли. Взяли какие-то клещевые и тут уже я не выдержала и начала ойкать и хныкать. Сестра, пообещав мне перспективу потери руки, если я не потерплю и, наконец, разрезав гипс, отправила меня доплакивать в коридор. Но я там не доплакивала. Боль была такая, что зареветь пришлось заново, с новой силой. Под сочувствующими взглядами окружающих, я поборолась с болью, выпила обезболивающую таблетку и оставила это

заведение. Но эта правдивая печально-юмористическая история еще далеко не окончена. Прошло только десять дней со дня моего непредсказуемого падения.

25.09.09

Собака

Загадочный случай произошел со мной 3 января 2008 года.

Направилась я в этот выходной день к Светлане Ивановне в Парголово, подарить ей только что отпечатанную в типографии мою книгу «Зигзаги ветров». Села в маршрутку заняла свободное место возле двери, лицом к пассажирам.

Надо сказать, что в это утро я хорошо выспалась, чувствовала себя отдохнувшей, и как-то отвлеченно-расслабленной. Сидела я обернувшись к салону, но никого конкретно не видела.

Зато меня увидел недобрый глаз. Плохое это место в переднем ряду. Ты открыт для любого воздействия. Надо было сконцентрироваться, а не выпускать из виду сидящих в салоне.

Маршрутка на «Горе» затормозила. Я открыла дверь, стала выходить, выйдя,

почувствовала незнакомую обреченность. Это было не мое состояние. Я остро ощутила неизбежность того, что должно сейчас произойти. Какая-то энергоинформационная сущность толкала меня на гибель.

Я обреченно шагала к столбу с кнопкой перехода. Нажала. Загорелся зеленый человечек. Надо было идти по переходу. Но я вместо этого, двинулась в противоположную сторону, отчетливо осознавая, что это неправильно.

Я направилась к собаке, охранявшей магазинные склады. У меня для Парголовских собак была еда – курица и другое. Я много лет видела эту огромную темно-сине-серую лохматую собаку, но никогда к ней не приближалась. Она никогда не лаяла, ни к кому не приставала, вела себя ответственно и весьма достойно, прогуливалась или лежала на длинной веревке.

Какой-то черт дернул меня в это утро приблизиться к ней, как мне казалось, на безопасное расстояние.

Через несколько секунд я уже лежала под этой огромной тушей, опрокинутая лицом на лед. Собака остервенело скакала по моей спине, рвала зубищами мое пальто, пытаюсь ухватить за тело. Несколько дыр на спинке пальто сверкают и сейчас.

Наконец, ей удалось прокусить рукав с внутренней стороны руки, через жесткое пальто и две кофты. Я перестала себя ощущать. Жуткий животный страх перемешался с прощанием с жизнью. Слышала только свой невероятный крик и рычание возле моего уха собаки.

К счастью, собака была некровожадная. Как только она на зубах учуяла кровь, мгновенно соскочила с меня. Я валялась на грязном снегу, не в силах поднять голову.

Ни рычания, ни собаки было не слышно, не видно. Она убралась в проем пустого здания.

Видимо, сама испугалась содеянного. Ее «враг» лежал поверженный.

Через несколько минут я оторвала голову от земли. Кругом был грязный лед. Через силу, с трудом медленно повернула голову – поискать глазами собаку. Но ее нигде, даже в проеме, не было видно.

Начала подниматься. Ноги не держали меня, они дрожали. Из рукава пальто капала кровь, пропитав одежду. Людей – никого. Только вдали двое садились в машину. Валялись куски еды и миска, выбитая из моих рук.

Сделала шаг, потом другой, словно училась ходить заново. Еле ступала по скользкому льду на дрожащих ногах. Добрела до исходной позиции – столбу с кнопкой. И тут, наперерез мне бежит гуляющая рыжая собака. Возле меня она остановилась. Но у меня не было сил согнуть руку и достать ей оставшуюся еду. Я пересекла Выборгский проспект. Собака

перешла со мной. Я уже держалась на ногах и руки приобрели способность шевелиться.

Я достала из сумки оставшуюся еду, она терпеливо ждала. Я благодарна ей за то, что она не выхватила еду из слабой, раненой руки. И спасибо той мохнатой собаке, что яростно набросившись на меня, все-таки не покалечила. Не затронула кость, а с внутренней стороны руки прокусила мышцы (руки были разбросаны беспорядочно), выдернув кусок тела в локтевой части. Она имела хорошую выучку. С ней поработал грамотный специалист. Она честно служила, охраняя продуктовый объект. И нечего мне было лезть со своими угощениями и дурацкой жалостью. Меня много раз кусали собаки, но все домашние. (Ни одна бездомная собака, хотя я постоянно имела с ними контакт, меня не тронула.)

Обвязав запястье раненой руки платком, чтобы не капала кровь, я направилась к Светлане Ивановне. Было уже недалеко. Еще

ближе стоял дом Киры Алексеевны. Я решила зайти к ней, передохнуть. У нее в гостях находилась ее приятельница, медсестра. На столе стояла бутылка с красным вином и закуска. Она пригласила меня к столу, не зная, что со мной случилось. Меня раздели и пришли в ужас. На завернутом рукаве кофты лежал кусок выдернутого тела, и под локтевым сгибом зияла дыра.

Мне сделали перевязку. Уточнили по телефону место нахождения травмопункта. И своим ходом я направилась туда. Тащилась часа полтора. Там мне обработали рану и сделали под лопатку укол. Врач сказал: «встречаться с Вами будем долго. Рана серьезная. Но Вам повезло, кость не затронута!»

В течение месяца я ежедневно ходила на перевязку, но к удивлению врачей рана заживала удивительно быстро. Сначала рука была абсолютно синей, от локтя до запястья,

но синева с каждым днем уменьшалась. Рана затягивалась. Врачи ее сжимали.

А эту собаку – собачищу я постоянно вижу на прежнем месте, но никакая сила не заставит меня приблизиться к ней даже на безопасное расстояние. Светлана Ивановна как-то сказала: «Видела Вашу собаку. Это не собака, а какая-то гора!» Да, точно, гора. Плясала на мне, как только я выдержала такую тяжесть!

Будет мне наукой! На людях, в транспорте, в любом социуме не предаваться созерцательному, углубленному состоянию, а контролировать окружение, тем самым препятствовать проникновению отрицательных воздействий.

! Adios!

Зимний день или еще раз про любовь

Утром я выглянула в окно. Было еще темновато. Свет от фонарных столбов ложился длинными тенями, теряясь в заснеженных сумерках. Снег валил сплошной завесой, нагромождая сугробы, не оставляя надежды благополучно добраться до работы. Включив радио, услышала, что на нашей стороне города повреждена электролиния. Какая-то авария, и троллейбусные провода обесточены.

Юра повел сына в школу. Олежка в третьем классе, носил очки и в темноте, в залепленных очках он бы ничего не увидел. Юре на работу надо было в другую сторону, чем мне, а там с транспортом было все в порядке.

Я направилась на работу пешком. Легко сказать! Из района Новых домов, где

мы выстроили кооперативную квартиру, до ГОСПРОМа было изрядно километров, но другой транспорт там не ходил. А метро еще не было.

Шагала я долго. Часа три. Шагали все, как на демонстрации. Благо, проезжая часть была свободна. Никто не удивился, когда я явилась на работу вместо восьми утра, в половине двенадцатого. Другие были еще в пути.

На мне было зимнее пальто и теплый уральский пуховый платок, маленькая шапочка на макушке не в счет. На ногах были легкие сапожки, чтобы удобно было шагать. Я же не могла знать, как вечером буду сожалеть, что пренебрегла теплой обувью. Читатель позже поймет, для чего я описываю, в чем была одета. Потому что нашелся человек, который, при такой моей амуниции захотел меня еще и накрыть.

Я никогда не жила с ощущением будничности. В глухое осеннее-зимнее

время, которое многих угнетает, а мне хорошо, уютно. Я виртуально перескакиваю через зиму, впереди маячит весна.

Поэт Петр Кириленко сказал:

О, как полна песнями весна!

Какую сложную симфонию

Чувств и переживаний несут

Первые порывы весеннего ветра.

Но обычно в Питере – весна пыльная,
холодная и ветреная.

А это уже другая симфония.

Осеннее темное время прячет меня ото всех,
я накапливаю энергию, плавая в искрящейся
глубине, радуюсь романтическому настрою.

В этот заваленный снегом день, бредя через
сугробы, я тихо пела:

На тот большак на перекрестке

Уже не надо было мне спешить,

Я б никогда не полюбила,

Но как на свете без любви прожить!

Что мне эти завалы? Все мое хрупкое
тело, каждая его клеточка состоит из любви,

наполнена ощущением счастья. Снежная ослепительная белизна возносила меня куда-то в облачные дали, в необозримые высоты.

На работе я, как обычно, занималась своим делом, когда раздался звонок. Звонил Васильев, наш директор, попросил зайти к нему. Он, будучи в командировке в Москве, в художественном салоне купил картину известного художника и хочет показать ее мне. Он знал, что я рисую, интересуюсь живописью, об этом было в рассказе «Письмо».

Его кабинет находился в девятом подъезде ГОСПРОМа, а мой отдел – в третьем. Оделась и пошла на смотрины. Вошла в кабинет. И произошло неожиданное... Вроде ничего особенного. Но почему же я за много лет не потеряла ни одного мига той встречи. Ведь я была не новичок в проявлении ко мне чувств, самых нежных и глубоких.

Для меня Юра и Олег были кумирами. Они всегда жили и живут в моей душе, в моем сознании. Время, проведенное без них (даже на работе) я считала потерянным. Любое внимание со стороны было для меня чуждым и не нужным. Васильев проявлял ко мне дружеское внимание в рамках поощрительной симпатии. Итак, захожу в кабинет. Он стоит у окна, глядя на улицу. Увидев меня, оторвался от окна и пошел ко мне навстречу. Я упоминала, что по свирепой погоде была одета в пальто и пуховый платок. Васильев с какой-то сияющей радостью подошел ко мне, расстегнул костюмный пиджак и завернул меня полами пиджака, как куколку, ничего не говоря, поверх всей моей амуниции.

Это был непроизвольный жест – укрыть, спрятать, приблизить. Я приняла это за простые теплые чувства к молодой женщине, которая успешно руководит

сектором, рисует, рецензирует проекты на их представлении. И все.

Я потихоньку вывернулась. Сразу переключилась на картину. Она стояла лицом к стене, прислоненная к спинке стула. Это был пейзаж. Не помню автора. На вечернем фоне полевые цветы, освещенные луной. Поражала экспрессия картины. Загадка ночи манила и притягивала. Лунный свет казался таинственным и непостижимым, делая объемными трепетные лепестки.

Немного поговорили о картине, о поездке в Москву и я ушла к себе на работу.

К вечеру погода не улучшилась, появился еще и мороз до минус 15 градусов. Предстоял обратный путь домой. Платок я отдала сотруднице, ей надо было добираться до Великого Бурлука, в пригород. Ей он был нужнее. На нашей линии движение восстановилось. Я села в троллейбус. На полдороге он остановился, как вкопанный. Не стало тока. Ехать больше

было не на чем. Узкое место под мостом на мясокомбинат всегда было сложным для проезда. А тут завалы снега, пурга, троллейбус моментально остыл, люди начали дрожать. Стоим час, стоим два. Дрожать в легких сапожках начинаю уже и я. Пальто уже не греет. Дико хочется есть. Я вспоминаю, что у меня в сумке лежит полкилограмма сливочного масла, купленного домой в Госпромском буфете. Вытаскиваю сверток, разворачиваю. Начинаю откусывать, отгрызать с уголка. Одной есть неловко, хоть и свое масло. Все ведь едут домой голодные. Я предлагаю попробовать маслице. Нашли нож. С другого конца начинаю отрезать по кусочку. Все окружающие едят масло, все-таки подспорье от голодухи. И всем стало смешно, все кругом хохочут. Простояв еще час, мы, наконец, тронулись в путь.

На моей остановке меня встречал Юра. Он во что-то меня завернул и почти нес до

подъезда. Из окна он видел, что троллейбусы с той стороны, с которой я должна была приехать, не идут. Значит, я где-то застряла.

Позже, дома Олежек мне поведал: «Мама, папа как раненый зверь метался от окна к окну, следил, когда пойдет транспорт!» И дождался.

Потом, когда я отогрелась, мы все вместе радостно ужинали, я рассказывала о перипетиях этого дня, показывала огрызок, оставшийся от масла и мы весело смеялись.

25.01.10

Поручение.

Как-то раз утром на моем рабочем столе зазвонил прямой телефон. Директор просил зайти. Поднявшись на этаж, я зашла в кабинет.

Череповский пригласил меня сесть, хотя мы, заходя к нему по делу, делали это без приглашения. Он молчал, словно что-то обдумывая, не зная как начать. Молчала и я. Пусть сам скажет!

Посидев молча минуты три, чуть смущенно, он улыбнулся.

Так, это что-то новое.

-- Слушаю Вас, - сказала я.

-- Екатерина Геннадьевна, надо съездить в Киев!

-- Хорошо, я выделю человека.

Но Анатолий Павлович молчал, опять загадочно глядя на меня.

Тогда меня осенило:

-- Вы хотите, чтобы поехала я?

-- Да. – Он кивнул головой в подтверждение – И сегодня!

-- Анатолий Павлович! А что такое произошло, что срываться в дорогу должна именно я? Ведь у меня полно людей в отделе!

-- А с этим поручением никто не справится! Вы хорошо знаете, какое у нас положение с геодезией и геологией из-за автобуса, который уже не ходит, а стоит в гараже. Нам необходимы детали.

-- Но я ничего не понимаю в этом!

-- А это Вам и не нужно. Зайдите в министерство и попросите выписать комплект деталей!

Я знала, что с этим вопросом было очень туго. Все выдавалось по разнорядке.

Ладно. Убедил. Сегодня надо выезжать. Вечером. На следующее утро я входила в здание Министерства, по-моему это было Автомобильной промышленности.

Вошла в просторный вестибюль. С белой мраморной лестницей. Подошла к раздевалке. Только подала пальто гардеробщице, как слышу, на спине треснула молния. Она была вшита в прилегающее темно-синее платье от верха больше чем до половины.

Туалет был продуман – маленькое элегантное платье из тонкой итальянской шерсти. Туфельки на шпильке – это был расчет на соединение двух составляющих, нет, трех – неоспоримая логика в важности вопроса, элегантность и непосредственность. Это всегда облегчает задачу. И не надо ничего доказывать!

Итак, в самый ответственный момент платье разошлось на две половинки. Где искать ателье? Да и потеря времени! Но спасла гардеробщица. Она достала иголку с ниткой и хорошо скрепила обе половинки.

Окрыленная, я поднялась на второй этаж, ища нужный кабинет.

В какой-то кабинет вошла. Он был огромный. Я направилась к сидевшему у окна за широким столом, чиновнику. Сидели еще служащие. Но я напрямик двинулась к окну, угадывая в чиновнике главное лицо.

Со мной было письмо. Я его протянула, поздоровались. Он глянул на бумажку и пригласил сесть.

-- Для чего вам транспорт? – спросил он.

-- Он нам просто необходим. Мы сами выполняем изыскания, а бурильную установку в поле на себе не потащишь!

Я нарочно выражалось языком бурового мастера, для разнобоя – облика и существа вопроса. Чиновник с интересом меня разглядывал: что за экземпляр явился в министерство в образе молодой дамы? Обычно у них появляются только мужчины. Солидные.

Но Череповский знал, что делал. На Новый Год, когда мы праздновали открытие ресторана, в этом платье я покорила всех – и

мужчин и женщин. Даже он танцевал только со мной, хотя пришел со своей женой и просил своего зама потанцевать с ней. Но это прошло несколько месяцев назад. Теперь я сидела перед важным чиновником, и он разглядывал меня, как заморскую птицу.

На столе у чиновника лежали бланки с подписью. Он взял верхний и протянул его мне.

Улыбнулся и сказал:

-- Желаю успеха в изысканиях!

-- Спасибо. – что я могла еще сказать.

И направилась к выходу, довольная и взбудораженная тем, что выполнила поручение. Новые детали к автобусу выведут его из гаража! Шагаю по коридору мимо анфилады кабинетов. В руке заветный бланк, еще не успела спрятать. Вдруг вижу, возле одного из кабинетов стоит главный инженер нашего головного института в Киеве, Эдип Андреевич. Он знал меня, часто бывал у нас в Харькове.

Удивился:

-- Дьяконова, что Вы здесь делаете?

-- Да вот, Анатолий Павлович попросил меня добыть комплект деталей для нашего автобуса. И протягиваю ему бланк.

-- Да знаете ли Вы, что Вам дали? Вам выделили новый автобус!

Надо сказать, что в те годы сложно было добиться даже деталей. Все давалось централизованно, по распределению. А мне дали бланк на получение нового автобуса! А я его не просила! Не было такого поручения!

Сильно удивив Эдипа Андреевича, я пошагала дальше по коридору искать кабинет, где могла отметить командировку. Уехать надо было этим вечером.

Пройдя значительную часть коридора с поворотами, я обратила внимание, что он сузился. Кабинеты располагались только с одной стороны. Все двери были распахнуты настежь. Сидели по одному человеку. Все были в форме.

Мне надоело измерять шагами нескончаемые узкие пространства и я подошла к дежурному, тоже в военной форме со звездами на погонах, спросила, как мне найти нужный кабинет и заодно выйти из этого лабиринта.

Дежурный изменился в лице:

-- Как Вы сюда попали?

-- Только что я прошла мимо Вас, теперь возвращаюсь в поисках выхода!

-- Это – спец. часть министерства. Сюда никому нельзя! Никому не говорите, что Вы здесь были!

Ах, так я, оказывается еще и невидимка! Больно надо, кому-то рассказывать. Мне бы поскорее выбраться!

Наконец, нашла выход из этих злополучных коридоров и вечером укатила в Харьков. Когда я явилась на работу с докладом о выполненном поручении, поднялась на второй этаж, в приемной меня встретил Череповский. Он радостно сиял.

-- Мне сегодня в час ночи позвонил Эдип Андреевич и сообщил: «Ваша Дьяконова добыла автобус!» Я от радости не мог уснуть!

Радость Череповского я вполне разделяла, т.к. знала в какую сумму нам влетает заказывать изыскания на стороне. Получение нового автобуса по министерскому бланку труда не составило. И через короткое время у нас уже был свой, новый вместительный транспорт.

А Череповский зауважал меня еще больше. Только скоро он об этом забудет! В прошлом останутся – «Кухня», «Белые каллы», «Поручение».

Все мои рассказы – это экскурс в прошлое. С ним мы не расстаемся. Оно в нас и обогащается настоящим. Как снежный ком обволакивает нас и уносит в будущее!

Дурь

Однажды утром, в июне Череповский позвонил мне в отдел по прямому и сказал, что завтра, в субботу, руководящие сотрудники – начальники отделов и ГИПы должны ехать в колхоз на прополку. При этом заявил:

-- И никаких замен, едете Вы!

Какое свинство! Он прекрасно знал, что я на работе нахожусь последний день перед отпуском. На воскресенье у меня билеты в Сочи на Мацесту. Еду с сыном.

На субботу намечена куча дел, неотложных! Приготовить еду для мужа, собраться, постричь в парикмахерской Олега. Для всех дел у меня в запасе была всего одна суббота. Все прошедшие недели – работа с утра до позднего вечера. И он отбирает у меня мой единственный выходной!

-- Анатолий Павлович, я же в отпуске!

-- Это приказ!

Анна Федоровна сразу вызвалась.

-- Можно я поеду вместо Вас?

-- Но он меня предупредил, чтобы замен не было!

Это был очередной взбрыг Череповского.

Мне не следовало ехать. Не поехать и все! У меня на руках были билеты. Позже я анализировала, что это был спектакль, разыгранный Череповским специально для меня. С какой стати в колхоз на прополку требовались только начальники отделов, секторов и ГИПы. Всегда ездили все! Но в таком случае не исключалась замена. А здесь – прямое указание. Пришлось подчиниться. Но ведь это была моя кровная, заработанная суббота! «Ну подожди ты у меня! Я тебе устрою!» Затаила злость.

Привычка к дисциплине сделала свое дело. На утро, к 7 часам – ни свет, ни заря, я была уже около здания работы. Все были в

сборе. Кроме Сали – начальника сметного отдела. Она опаздывала.

Я решила в этот день с Череповским не разговаривать. Испорчу ему намеченный праздник от общения со мной. Мы же не на работе! Он сразу почувствовал мое отношение к нему и настроение в это утро. Стоим все вместе и ждем Салю. Стоит рыжая машина Череповского, за нею – полученный мною автобус.

Все тихо переговариваются не выспавшимися голосами, все недовольны отнятым выходным днем. Но они хотя бы не в отпуске!

Череповский поворачивается ко мне:

-- Екатерина Геннадьевна, как Вы считаете – будем ждать Салю Ефимовну или поедем без нее?

-- Не знаю, - умышленно односложно ответила я.

-- Как это не знаете? – пытается разговорить он меня.

-- А вот так. Не знаю и все! – и отвернулась. Знай наших! У меня семья, мне надо все сделать перед отъездом, а ты отобрал у меня единственный день! И еще я буду с тобой разговаривать после этого! Исключено. Это я про себя.

Наконец, он понял, какого врага он нажил в моем лице. И прощения ему нет. Наверное, пожалел, что затеял эту дурь! Когда он это понял, сразу скомандовал – всем садиться в автобус. Все сели. Вошла в автобус и я – единственная женщина.

Череповский направился к своей машине. Но у него были свои планы. Женщин он решил вести с удобствами. Через минуту к автобусу подошел водитель Череповского – Володя Четверяков и от имени Анатолия Павловича попросил меня пересесть в его машину. Да он, что с ума сошел, чтобы я еще ехала в его машине! Этого никогда не будет! Я ответила отказом. Но машина Череповского не трогалась с

места, дожидаясь, пока я изменю свое решение. Не хотел ехать в одиночестве. Это не входило в его планы. Для этого он все и затеял.

Опять пришел Володька уговаривать меня. И все мужчины начали меня просить, чтобы мы наконец-то тронулись в путь. То Салю ждали, то я отказываюсь ехать с Череповским. Я опять отказалась. И тут мы увидели, как бежит Саля. Она на ходу влетела в машину Череповского и мы все отправились в путь, в далекий Шевченковский р-н.

Приехали на место. Колхозный бригадир выделил нам участок прополки. Разделили грядки. День был солнечный, но мокрый. Всю ночь лил дождь. Туфельки промокли сразу. В мокроте было противно и неуютно. У меня, к тому же, после гриппа болели ноги, и я собралась на Мацесту.

Полола молча, не проронив ни единого слова. Череповский полел в двух шагах от

меня. И Колесов был рядом. Он возьми да и брякни:

-- Екатерина Геннадьевна, я бы на Вашем месте давно в Черном море купался! Череповский встрепенулся:

-- Борис Анатольевич, не говорите этого Екатерине Геннадьевне, она уже и так посылает на меня всех чертей!

Ах, так, он еще и открыто говорит, что все хорошо понимает!

Все! Это уж слишком! Работа моя закончена. Я молча положила тятку на землю и, ни слова не говоря, двинулась через поле к дороге, где стоял наш автобус. В автобусе, я передела мокрые туфли, поменяв их на сухие, бывшие у меня в запасе для города, насухо вытерев ноги, и уселась читать.

Все поглядывали в мою сторону, особенно Череповский. Мне это хорошо было видно. Пусть делает, что хочет. Здоровье дороже! Пусть сколько хочет ползает по мокрой траве.

А мне уже было все равно, как потом сложатся отношения с Череповским. И они сложились соответствующим образом. Но мы это уже проходили, когда возникла «кухня», а потом были белые каллы. Три часа я дожидалась конца общей работы. Уехать было не на чем.

Домой я приехала, когда солнце клонила к закату.

В организации я появилась через месяц. Череповский еще дулся. И Раиса парторг пыталась что-то негативное выразить, но у нее, видимо, не хватало слов. А ее и не было на поле в тот день.

Я не обращала внимания. По работе возникли тяжелые производственные задачи. Заказчиком проектов был Обком партии. Они еще сами не знали, какое содержание коров лучше – привязное, или беспривязное. А технология совершенно разная. Наши чертежи все шли в мусорную корзину. В срыве объектов винили директора. Над

Череповским нависла угроза снятия с должности. Я понимала, что Череповский не виновен в срыве сроков. Он не понимал, что у нас неправильная сама технология проектирования. Я это отлично понимала, так как была специалистом своего дела. Но все отделы работали по старинке, какую предлагал СНИП. Никто не желал ничего менять. Специалисты часами в коридоре курили.

Когда положение стало особенно взрывоопасным, я предложила Череповскому новую схему разработки проектов. Суть заключалась в том, чтобы работа велась отделами не последовательно, а параллельно. Это существенно сокращало сроки и приводило к лучшему качеству. Исключались переделки.

На техническом совете я представила свои разработки, детальную схему передачи заданий смежникам и Череповский волевым решением, приказом узаконил новую

разработку проектов. Срывов уже быть не могло. Они сами собой исключались. Положение стало налаживаться. Череповский остался на месте.

Нас мучили колхозы. Помочь сельскому хозяйству было необходимо, но не за счет выходных дней! Пожалуйста, в рабочие дни! Ведь это же тоже работа и очень нелегкая. Мы вообще были без отдыха. В будние дни мы задыхались от спешной работы, а выходные у нас отбирали, часто оба выходных!

И я решила для себя: не буду отдавать выходные. Отгулы все равно не получалось взять. Когда в очередной выходной объявлялась поездка в колхоз, я молча уходила, сказав только в своем отделе, что меня не будет.

Череповский больше не настаивал на моем присутствии. Где-то он понимал, что моя нагрузка непомерна ни с чьей. Я буквально ставила всю работу в организации,

таща на своих хрупких плечах и плечах сотрудников два главных отдела – изысканий и генплана. К тому же – авторский надзор и кучу других нагрузок.

Итак, Череповский смирился. А однажды, мне рассказывали сотрудники, когда меня на поле с ними не было. Убирали помидоры. Анатолий Павлович таскал полные корзины через поле к месту транспортировки. Один раз упомянул мое имя:

-- Екатерина Геннадьевна – самая интеллигентная женщина в филиале! Вот молодец! Я не поехала, а он хвалит. Потом взвалил на плечи полную корзину и зашагал по полю. По голой спине стекали раздавлен-ные помидоры.

Интересно, что через несколько лет мы поменялись ролями. Директором была уже я. Поистине - пути Господни неисповедимы! Череповский будучи доцентом ХИИКСа

выполнял у меня подрядные работы по газификации.

По полю шагать ему пришлось уже не 20 метров, а много километров. Бежал он быстро и легко в намеченный колхоз по зеленой дорожке, через холмики «невпростець».

Я смотрела на него из машины, пока он не сделался маленькой точкой. Мне было в другую сторону.

¡ Buena suerte! ¡ Buen viaje! ¡ Hasta pronto!

Врач

-- Как эта проходимка выглядит? Она старше Вас?

-- Да, но дело не в этом! У неё злое лицо.

-- Вот видите! Она просто Вам позавидовала! Не верьте ей. Это полная чушь!

Врач явно волновался. Он меня наблюдает, все анализы перед ним в карточке, а кто-то, явно со злым умыслом, портит настроение. Он пытался меня утешить, принимал во мне искреннее участие.

-- Но женщина сказала, что она врач и даже на расстоянии видит больного! Сказала, что у меня щитовидка!

Перед кабинетом врача я ждала своей очереди. Я принимала Мацестинские ванны и через 2-3 сеанса являлась на прием в назначенное время.

Женщина сидела недалеко от меня и пристально меня рассматривала. Это было в далёком 1978 году. Это я к тому, что была молодая, а выглядела ещё моложе. В те счастливые годы мой облик приковывал взгляды. Уставилась на меня и та женщина.

Если бы тогда я умела брать в расчет особенности некоторых особей и не принимала бы на веру сказанное, это бы спасло меня от многого негативного. Но тогда я этого не умела. Эта «новость» меня оглушила.

Когда я вошла в кабинет, врач сразу спросил:

-- Что с Вами? Что случилось?

Я рассказала. И попросила:

-- Дайте мне направление на исследование!

Но врач терпеливо сказал:

-- Зачем Вам тратить время и силы на ненужное хождение по кабинетам? Неужели, имея все анализы, я не смог бы определить

заболевание? Нет же ни малейших признаков! Подумайте, как могла посторонняя женщина на расстоянии трёх метров от Вас определить болезнь? Выбросьте это из головы! Это зависть!

Я ушла, несмотря на убедительные доводы врача, совершенно подавленная. Настроение было испорчено. Неимоверная глупость поддаться чужому воздействию!

Я медленно поднималась в гору, где располагалась наша гостиница под бодреньким названием «Старт». Шла так, словно ноги не слушались меня. Сын был в номере. Я постучала, отозвалась, но сын не узнал моего голоса, прежние интонации мне не удались. Всё Олежке рассказала. Он, хоть и был десятилетним подростком, так же, как врач, поразился, что меня могла огорчить какая-то неизвестная и явно недоброжелательная женщина. Он сказал:

-- И ты поверила?

Чуть позже я постаралась успокоиться ради сына и курортная жизнь снова захватила нас. Мы катались с Олежкой на катере, на теплоходе, ездили в Сухуми к обезьянам, показаться им. Одной макаке мы особенно «понравились». Олежка построил ей рожицу. Она не поняла шутки и обиделась. Начала в толпе высматривать обидчика и плевать. Олежка пригибался, но она зорко наблюдала за ним и новые плевки обидчивой макаки летели в толпу. Мы благоразумно покинули «поле боя», чтобы спасти неповинных людей от новых нападений. Погуляв в Сочи ещё недельки две, мы уехали домой в Харьков, где нас ждал Юра.

Своё твердое решение пройти обследование на тему, абсолютно мне непоказанную, я целенаправленно воплотила в жизнь.

Абсолютно прав был врач. Исследования заняли много времени, отрыва от работы, ненужных волнений. Неприятно было

глотать какую-то радиоактивную гадость, дважды рентген – до и после! А в результате – идеальная норма.

Да, глупость, легковёрность дорого обходятся. Примерно через месяц мне на работу позвонил врач из Сочи, который искренне меня успокаивал, убеждая в отсутствии болезни. Я и сама тогда не чувствовала никаких признаков какого-либо недомогания. А Мацестинские ванны я обожаю. После них никакая простуда не цепляется.

Звонком я была весьма удивлена. Откуда он узнал мой рабочий телефон? Ах да, в курортной карте указывалось место работы. Он сообщил, что приехал в Харьков и просил меня о встрече.

Если бы он только знал, как далека я была даже от понятий каких-либо встреч! Как спешила домой к своим, не теряя ни минуты, как считала потерянным временем, когда находилась вне дома, вне своего

гнезда. Как Юра разувал меня из промокших замшевых сапожек, прислонял ногу к своей щеке, проверяя степень озяблости и одновременно грея, стоя в передней на корточках. Как ненавидела я еженедельные, из-под палки, политзанятия, отдавая уход домой на целый час!

Если бы врач всё это знал, он бы не позвонил! При приёмах в Сочи он вёл себя идеально скромно, как и подобает врачу. И вдруг... Что-то его зацепило, он не мог меня забыть, я-то очень самобытна.

Зачем он прикатил? Я никого не приглашала и не давала повода ни к каким встречам. И давно о нём забыла, т.к. воспринимала его только как врача. Без врача не назначат Мацесту.

По телефону я ответила, что очень занята на работе и меня ждёт дома семья.

Прощаясь, пожелала всего доброго. Он больше не звонил.

А я перестала быть легковерной. Навсегда и бесповоротно! ¡Que lo pase bien!

Как я штурмовала железную дорогу.

-- Катя, хочу поручить Вам одно интересное дело! – сказал мне как-то утром начальник нашей архитектурно-строительной мастерской Владимир Самойлович Донской.

-- И что в нём интересного? – в тон ему озадаченно спросила я.

-- Весь интерес заключается в том, что при всей сложности этого задания, выполнить его можете только Вы!

-- ?!

-- Речь идет о согласовании ж.д. ветки Основьянского направления, проектируемой для связи с объектами промышленного комплекса. Против этой ветки восстало все Управление Харьковской Октябрьской

железной дороги. По сути – это обреченное дело!

-- И тем не менее, Вы мне его поручаете!

-- Катя, это обкомовский заказ. Надо попытаться убедить службы железной дороги в целесообразности устройства этой ветки. Вот материалы для ознакомления. Согласны заняться?

-- Согласна, ради интереса! Но что делать с турбазой?

-- Перенесем сроки. Это важнее!

Донской умолчал, что попытки согласовать эту ветку до меня безуспешно уже предпринимали двое сотрудников.

-- Когда начинать?

-- Завтра. Надеюсь, месяца хватит.

Наутро я, водрузив толстенный переплет с чертежами и пояснительной

запиской в сумку, направилась прямым ходом в Управление на Южном вокзале.

Летним июньским днем я вошла в приемную Управления. В приемной я ознакомилась с длинным перечнем служб, необходимых для прохождения согласований, причем, в определенном порядке. Я насчитала их 18. и венцом, наградой за все мытарства по кабинетам в конце длинного списка предлагалось согласование начальника всей Октябрьской железной дороги, самого Конарева!

Всерьез я не предполагала попасть к Конареву. Это было бы неслыханным счастьем.

Ладно, не будем загадывать. Поднялась этажом выше и поплелась искать нужный, первый кабинет. Это был «ПЧ». Загадочные буквы на бронзовой пластине я нашла быстро. Постучала тихонько, вошла. За солидным столом сидел солидный мужчина.

Я представилась, изложила суть вопроса. Он назвался Юрием Ивановичем. И сказал:

-- Проблемная ветка! От Вас уже совались сюда для ее согласования. Нам она не нужна! Это – лишний элемент на основном пути. Когда ваш «Харьковпроект» успокоится и откажется от нее?

-- Мы бы отказались, но Обком хочет увеличить производительность промышленного комплекса для обеспечения продуктами близлежащие регионы. А без функционирования ветки это невозможно! Мы просим Вас определить место примыкания там, где найдется нужным. Мы согласимся с любым вариантом, лишь бы место примыкания имело необходимое направление!

-- Надо выехать на место.

-- Я готова, прямо сейчас.

Вышли из здания. Неподалеку стояла его машина. Ехать было недолго, но уже без машины пришлось спускаться по крутому откосу.

Стоял солнечный июньский день. Я была одета в легкое платье из малинового крепдешина и обута в сабо на шпильке. Руку оттягивала сумка с толстенной папкой с чертежами. Откос был тоже немалый, под 45° наклона.

Юрий Иванович взял у меня сумку в левую руку, правую подал мне, помогая не увязнуть шпилькам в рыхлой поверхности.

Со стороны можно было подумать: прогулка! Крупный мужчина ведет вниз по откосу за руку хрупкую женщину на высоких каблуках.

Спускаясь по откосу непосредственно к колее, Юрий Иванович, держа меня за руку,

время от времени оглядывался, говорил ободряющие слова:

-- Вы правильно сделали, что надели эту обувь – у Вас элегантный вид! Или: «Это платье Вам очень идет!»

Спустились. Быстро нашли предполагаемое место примыкания. Он его хорошо знал.

Я по диплому – инженер путей сообщения, и просто, между прочим, об этом сказала. Юрий Иванович впечатлился, что организация прислала специалиста по профилю и сказал, что у меня не только красивые туфли, а еще и правильная профессия!

Зафиксировав место примыкания, мы порассуждали и пошли в обратный путь, карабкаться по откосу. Было жарко. Я-то была одета в легкое платьице, а Юрий Иванович – в тяжелую форму управленца, солидной комплекции, да еще тащил мой

тяжелый толмут. Он обливался потом, но на жару не жаловался.

Он жаловался на...одиночество!

Я сочувственно слушала. Но у меня-то было все в порядке – отличная семья – муж, сын. И мне – 29 лет. Но выглядела гораздо моложе! И, наверное, Юрий Иванович подумал, что я еще не успела выйти замуж.

А я успела. Мой муж Юрий Дьяконов ждал меня два года, пока я оканчивала институт. И вопрос был решен. Но Юрий Иванович был тактичен и ни о чем не спрашивал.

А то, что я оказалась моложе своих 29 лет, к этому я уже привыкла.

У меня было три случая, когда не верили в мой возраст. Первый раз это было в трамвае.

Я ехала устраиваться на работу. В прошлом месяце защитила диплом инженера в ХАДИ. Со мной в сумочке были документы

– паспорт и новенький диплом. Трамвай с ХТЗ, где я в то время жила, был переполнен. Я стояла и еле держалась на ногах от тесноты и сутолоки. Держаться было не за что. Один молодой человек умудрился читать в такой толчее. Я стояла с ним рядом и, так как некуда было больше смотреть, я краем глаза заглянула в его книгу.

Это был Л. Леонов «Русский лес». Должна сказать, что я была неплохо начитана, все свободное от занятий время я или рисовала в институтской «рисовалке», или пропадала в библиотеках. Молодой человек обернулся ко мне:

-- Что, интересуетесь? Будете проходить в восьмом классе!

-- Да? А может быть я уже прошла давно этих авторов. - И назвала ему, что он читает.

-- Ха-ха! Вы хотите сказать, что Вы уже окончили школу?

-- Да! Хочу сказать. И не только школу. Но и институт!

-- Да что Вы! Ха-ха! И какой же? Библиотечный?

-- Нет! Автодорожный!

-- И Вы можете это доказать?

-- Конечно, - Вынимаю диплом.

Сидящие и стоящие рядом внимательно слушали и даже участвовали в разговоре.

Молодой человек казался сраженным. Он поднял руки

-- Сдаюсь! Я ничего не понимаю!

В другой раз было так:

Отправились мы как-то в воскресенье с Юрой и маленьким Олежкой в кино показать ему сказку «Синдбад-мореход». Юра с Олежкой гуляли возле кинотеатра, а я вошла в фойе стоять в очереди. Касса еще была закрыта. Народу было уже много, но все

стояли разбросанно по всему фойе. Я встала возле кассы, за мной столпилась очередь.

В ожидании открытия кассы, ребята начинали работать руками, выталкивая близстоящих к кассе. Я тоже еле удерживалась, держась за выступающую планку окошка. В то далекое время кинотеатр был единственной доступной роскошью. Все стремились туда попасть.

Ребята стали напирать так, что я вылетела из очереди. Тогда я сказала ребятам:

-- Я сейчас позову мужа, он боксер и покажет вам, как выталкивать!

-- Ой-ой! У нее есть муж! Покажи его нам!

И тут в проеме двери показался Юра, с Олежкой на руке. Он мгновенно оценил ситуацию. Подошел к середине очереди, вошел в нее и держа ребенка на правой руке, левой так двинул толпу к кассе, что вся очередь посыпалась в разные стороны –

передние и задние. И уже боялись подходить близко.

Касса открылась, я свободно подошла и взяла билеты.

А хулиганы уже не сомневались в наличии у меня мужа – боксера. Они робко жались, выглядывая из-за кадки с фикусом. А мы спокойно вошли в зал, но смотреть нам пришлось недолго. Как только показалось чудовище – одноглазый Тху, Олежка, ему тогда еще не было 2-х лет, расплакался, и мы покинули зал.

Юра был инженером-механиком, а по боксу имел первый разряд и был надеждой тренера.

Вот так вот обижать жену боксера!

И в третий раз меня приняли за школьницу, хотя я уже имела ребенка, замужество и диплом инженера. Опять втроем, с Юрой, и маленьким сыном пошли в воскресенье прогуляться в сад им. Шевченко.

Попутно, я решила зайти в парикмахерскую, сделать прическу. Юра с Олежкой остались ждать меня возле парикмахерской. Я посмотрела – народу никого. Парикмахер Рая усадила меня в кресло и куда-то исчезла. Я поднялась и хотела уйти, когда она появилась.

-- Ты куда?

-- Я тороплюсь, а вы ушли. Мне надо быстро. Меня на улице ждет муж с ребенком!

Она вытаращила на меня круглые глаза так, что не стало лба, он весь от удивления скомкался и пораженная до крайности, с испугом пробормотала:

-- У тебя есть муж???

Здрастье вам в платочек! А почему ему не быть? Вы что, с ума посходили все! Надо же немного разбираться в людях. Ну пусть комплекция, лицо - очень молодые, но глаза!

Я нахожу, что взгляд у меня своеобразный и мудрый! Как говорил один мой соученик еще в школе: «Но у человека есть же еще и глазки!»

Но вернемся к согласованиям.

Взобрались на откос, подошли к машине. Я решила попрощаться, дальше ехать в трамвае. По расстоянию мне было так удобнее. Поблагодарила за помощь и содействие. Свою подпись на листе согласований он поставил. Взяла у него свой толмут. Он задержал мою руку в своей, попросил позвонить ему «как-нибудь». Протянул листок с телефоном. Я взяла из вежливости. Он пожелал мне дальнейших удачных согласований, и мы расстались.

Следующая вся неделя проходила день за днем, как на голгофе, с утра до вечера по кабинетам. Выходить на место с другими представителями служб уже не требовалось. «Битва» проходила в кабинетах. Некоторые

были так отрицательно и даже агрессивно настроены, что еле хватало духу, чтобы вынести все возражения. Уж лучше бы жаловались на жару, или даже на одиночество! А никто не жаловался. Но смотрели с интересом: «Что это за птица такая прилетела, увещевает тут, ветка, видите ли им нужна, обкому угодить хотят! Но расширение промкомплекса – дело хорошее и его связь с железной дорогой обеспечит бесперебойную работу».

Я давала возможность им выговориться, со многими аргументами соглашалась. Хвалила железную дорогу, высоко ставила ее значимость в народном хозяйстве. И все-таки понемногу они смягчались, сдавались и ставили свои драгоценные подписи.

На работу о состоянии дела не звонила ни разу. Зачем? Результат окончательный еще не предвиделся. Мне было сказано, что хорошо бы уложиться в месяц.

К концу недели я имела подписи всех служб. Оставался Конарев. У меня душа уходила в пятки от страха, что он свернет всю мою титаническую работу. Напрасно старалась подкрепить свою славу, что мне посильно все!

Уже к концу рабочего дня секретарь кивнула в сторону вождеденной двери, сказав «Заходите!»

Я робко вошла. Поздоровалась. Конарев сидел надутый, что-то писал. Я положила перед ним пояснительную записку с подписями. Он мрачно произнес:

«Всех уломали!» И с размаху поставил свою неповторимую витиеватую подпись, и скрепил ее круглой печатью, хранящуюся в его столе. Я сказала ему искренне «Спасибо» и на крыльях вылетела из кабинета.

Наутро пришла в свой отдел. Тихо вошла, положила согласованные материалы на стол.

Молча села, как будто устала. Донской и все сотрудники молчали, уверенные, что «от ворот – поворот!» Железная дорога устояла!

Но не устояла! Не выдержала натиск.

Донской открыл заглавную страницу пояснительной записки, там красовалась в большом штампе конаревское «согласовано» и огромная печать железной дороги. Возглас был общий.

У Донского от радости заискрились глаза. Он только сказал: «Молодец, Катя! Я знал!»

Должна сказать, что добиваться чего-то от сторонних организаций я была мастер. Успех сопутствовал мне. Мои начальники это хорошо усвоили и снаряжали меня, как тяжелую артиллерию – и в министерство и к председателю совхоза. А эта тяжелая артиллерия была легкая, как бабочка, упрямая, как африканский осел и хитрая, как заправский дипломат!

Мистическое досье.

Это произошло еще в советские годы. С тех пор утекло много воды, но я до сих пор с ужасом вспоминаю ту чудовищную ночь.

В кинотеатре «Аврора» на Невском знакомый киномеханик крутил нам ночью зарубежные фильмы, не предназначенные в то время системой к показу. Фильмы были трофейные с участием знаменитых артистов – Вивьен Ли, Оливье, Роберта Тейлора и других звезд мирового экрана. Нас было четверо девушек – две мои двоюродные сестры и подруга.

В огромном пустом зале все воспринималось острее, чем в набитом битком. Мы сидели кучкой, как будто жались друг к другу. Нам было по двадцать лет. Во время просмотра французского фильма «Мадам Икс» я плакала, рыдания душили меня, я и после фильма никак не

могла успокоиться. Мадам потеряла единственного сына. Видимо, мое подсознание знало, что в далеком будущем это случится и со мной. После окончания сеанса, мы глубокой ночью вышли из кинотеатра. Киномеханик, молодой человек был хорошо знаком с моей двоюродной сестрой и решил на своей машине довезти нас до дома.

График разведения мостов ему известен не был. Но он надеялся успеть проскочить. Нам предстояло переехать Дворцовый мост, на Университетской набережной №1, напротив моста, жили мои сестры.

Мы все поехали к ним. За несколько минут мы домчались вдоль Невского до Дворцового моста. Слева маячил величественный силуэт Медного Всадника. Справа – фигуры на Эрмитаже казались ожившими, одушевленными.

Ночь была звездная. До утра было еще далеко. Водитель, не останавливаясь, взмахнул прямо на мост и со скоростью ветра, промчался вдоль него. Мост уже раздвигался. Машина перескочила открывшийся провал, прямо над водой, по воздуху.

От страха внутри меня обдало горячей волной, сильно забилося сердце. Стало темно. Куда-то пропали звезды. Мост закончился. Странное чувство овладело мной. Я насторожилась в предчувствии чего-то неожиданного. Внезапно, как вкопанная остановилась машина. Я посмотрела в окно справа. Напротив фондовой биржи одиноко стояли два маяка, освещенные слабым зеленоватым светом.

Жутковатую тишину неожиданно прорезал вороний крик. Я вздрогнула и повернулась к водителю. Хотела сказать: «Глухой ночью? Ворона?» Но слова застряли

в горле комком. Водителя не было. Я оглянулась назад, девочек тоже не было! Я оказалась совершенно одна в ночном городе.

Онемевшей от ужаса рукой я попыталась открыть правую дверь. Но она не поддавалась. Я до изнеможения крутила ручку, давила на дверь плечом. Наконец, она распахнулась, я выпала, больно ударившись лицом о какой-то острый твердый предмет, валявшийся на дороге. Щека сильно саднила. Но мне было не до этого. Меня мучил вопрос, куда и каким образом из машины исчезли все, без остановки и при закрытых дверях?

Я быстро оббежала машину и помчалась вдоль Университетской набережной в сторону моста Лейтенанта Шмидта. Окна музея этнографии и зданий университета были абсолютно темными.

На всей набережной – ни единого огонька, никакого проблеска света. Только Нева

подавала признаки жизни, перекатывая свои тяжелые волны, грохоча мощными ударами об опоры мостов.

Добежала до сфинксов. Остановилась. Оперлась рукой о подножие. Они со своей высоты сурово глянули на меня, но, прислонившись к ним, я почувствовала поддержку, гранит показался мне теплым.

Побежала дальше. Я не знала, где переждать остаток ночи. На другой стороне, через дорогу, увидела арку в университетский двор. И вдруг, на стене арки заметила отблеск света. Ринулась туда. Вбежала и...обомлела от леденящего ужаса: стояли четыре фигуры мужского вида в черных плащах, лицом, вернее, передом к костру, протянув к нему руки. Но лиц не было. Это была даже не маска, а застывший скелет с провалившимися глазницами. Плащи прикрывали скелет вместо тела.

Двое, стоявшие ко мне спиной, на мои шаги обернулись. А я не могла сдвинуться с места. Ноги приросли к земле. И тут вдруг неожиданно я опять услышала вороний крик. Это вывело меня из оцепенения. И я с зажатым в горле криком, выскочила из арки и помчалась по набережной в том же направлении.

Бежала я без оглядки, не помня себя, и не поняла, как оказалась на противоположном берегу Невы. В темноте угадывалась фигура Медного Всадника. Он не напугал меня. Напротив, я почувствовала прилив сил. Любимый царь не даст меня в обиду темным силам. Промчалась мимо, и как на крыльях долетела до стелы на площади Восстания.

Остановилась передохнуть. На верхушке стелы сидела Ворона. Она громко прокричала три раза «Карр», нарушив предрассветную тишину.

Я подняла голову. Почувствовала душевное облегчение. Напряжение страшной ночи спадало.

Ворона спустилась на землю, сделала несколько шажков по направлению ко мне и я увидела, что это та самая хромая встрепанная ворона, которая ежедневно приходит ко мне за кусочком сыра!

Я закрыла глаза, прислушалась к себе. Что это? Ведь с этой вороной я познакомлюсь в будущем, через много лет!

Когда я открыла глаза, передо мной был подъезд моего дома. Ворона уже сидела на крыльце. Я сказала ей: «Спасибо, милая! Ты спасла меня!»

Облегченно вздохнула полной грудью и перед тем, как войти в дом, тронула щеку. Она горела. А на руке осталась кровь.

VIII 2012

Из цикла: «Письма друзей».

Добрый день, дорогая Екатерина Геннадьевна!

Спасибо Вам за письма. Первое с фотографий, Вы на ней такая элегантная, замечательная, но не хватает вашей улыбки. В моих воспоминаниях Вы сохранились только улыбающейся. Ваш смех такой искрящийся, жизнерадостный. Такой шляпки воздушной я никогда не видела. Она только Ваша. Если вам делают комплименты даже женщины, я их понимаю.

Вспоминаю Ваши рассказы о поездке в Югославию, как Вы там интриговали наших туристов своими нарядами... Да и в Вашей книге об Аргентине... Вы могли своим внешним видом производить на окружающих светский, загадочный, несомненно благополучный образ леди. Вы никогда не позволяли кому-либо усомниться в Вашей уверенности, в Вашей стабильности... Это

качество сильного человека. Это не показное. Ваш дух очень сильный, нет ощущения, что вы нуждаетесь в жалости, а, напротив, хочется быть вашим сторонником. Самое ценное в Вашем характере – это доброе общение, любовь к людям (при этом вы убеждены, что она взаимна), к животным, ко всему, что Вас радует, а бывает и печалит. Но это жизнь... А Вы ее умеете ценить и благодарны ей за все, что она вам посылает. Вы, Екатерина Геннадьевна, оптимист, любящий оптимист.

Я благодарна судьбе за то, что она соединила нас, подарила столько замечательных мгновений и когда мы работали вместе, и наши командировки, и просто наше общение. Меня восхищала ваша способность быть королевой на деловых встречах. Наблюдая за Вашей виртуозностью в переговорах, мне хотелось Вам, Екатерина Геннадьевна, аплодировать, что в душе я

делаю до сих пор. Вы всегда были молодчиной. Вы мне много рассказывали о своей жизни: о маме, о муже, об Олежке, о сотрудниках. Сколько же испытаний выпало на Вашу долю, милая дорогая, Екатерина Геннадьевна. Я пишу и слезы бегут...но Вы ведь не сломлены, и уже ясно, что ничего в жизни Вас не испугает. То, что Вы стали писать – естественно. У Вас всегда был этот талант. Ваши статьи в «литературку», даже Ваши научные статьи – это только разминка. Когда вы, Екатерина Геннадьевна, едины со всем миром, Вы отдаете себя людям, вы пробуждаете в них желание не унывать, дорожить жизнью. Спасибо Вам за это. Конечно, я хотела бы читать все, что Вы будете писать, и даже то, что не будет издано, потому что Вы очень знакомый нам человек. Я не знаю, съели ли мы пуд соли, но то, что в памяти сохранилось, что мы и сегодня общаемся с Вами, как с близким, дорогим нам человеком, очень важно.

Рядом с Вами всегда было очень легко. Вы излучали доброжелательность, уверенность в успехе. Вы, Екатерина Геннадьевна, умели из жизни делать праздник, расшевелить людей, «разбудить» их, увлечь их, почувствовать, как ценно жить...

Я думала, что именно эти качества Вашего характера привлекли Мельниковых. Они так о Вас хорошо отзывались, когда мы были у них с визитами. Григорий Иванович о Вас больше знал со слов Лидии Андреевны. И не удивительно, что после его ухода из жизни, ее выбор был решен, в Вашем соседстве она видела утешение, или хотя бы источник для желания жить. Конечно, пустота, которая окружила ее, после ухода Григория Ивановича, для нее была тяжелой и Вы тот образ сильной женщины, которая с достоинством проходит испытания, которая могла бы ее поддержать... Так мне казалось,

да и я надеялась, что в ее поступке, в ее приглашении Вас, была не только забота о себе, а она имела возможность что-то дать Вам, подарить вам человеческую теплоту, поддержать Вас. Это так казалось. И это вызывало восхищение, радовало. Мне казалось, что Вам вместе будет хорошо. Мне казалось, что этот дом на Данилевской станет местом приятных встреч добрых людей, как пример заботы, любви людей друг о друге. Дом интеллигентных, умных, интересных людей... Увы! Пока этого не случилось, я прошу у Вас прощения за то, что так и не состоялась наша встреча. Мне казалось, что, то одно, то другое мешало. Главное то, что много внимания забирала наша внучка, а Лена, наша невестка училась на дневном, т.е. надо было им помогать, Лена готовилась к диплому, надо было пройти преддипломную практику. Да и Дашенька – внучка после прививок несколько недель болела, но все это не оправдание... на несколько часов

можно было освободиться и все же встречу организовать. Вас хотели увидеть и Журавченко Миша, и Реснянский Миша и Борис Пыхтин, и Болотник Валентина. Они Вам передают привет. Мы с ними часто видимся, отмечаем вместе значимые события из нашей жизни – праздники, дни рождения, да и просто без повода, выпить чашечку кофе. Все-таки у нас на кафедре была хорошая социальная обстановка. Мы были семьей, у каждого свой характер, но все мы были единым коллективом и каждому есть, что вспомнить хорошее из той нашей совместной жизни – деятельности.

Вспомнился Заика. Я так боялась к нему идти на прием. Сколько раз вы меня выручали – шли вместе со мной, с Вашей обворожительной улыбкой победительницы, а Заика готов был на коленях перед вами подписать любой документ.

Ваш стол рабочий в центре комнаты, как центр вселенной. Вы никогда не смущались быть публичной, напротив, это было Вашим естеством. Легкость, открытость – смотрите, восхищайтесь!!!

Мы с Володей, чтобы загладить свою вину перед вами, Екатерина Геннадьевна, решились написать ответ на Ваши два письма двумя независимыми письмами. Я пока не знаю, что он Вам пишет, а он не читал пока мое письмо. Может, в чем-то мы повторяемся.

Конечно, хотелось бы знать, как, с кем, где Вы живете в Петербурге?

О чем Вы сегодня пишете? Года три тому назад мы собирались компанией Харьковчан и сами организовали поездку в Петербург на несколько дней. Через знакомую моей подруги сняли две комнаты в Петербурге (нас было 8 человек) и по полной оторвались. Это была «Золотая осень». Еще

работали фонтаны. Мы с утра до ночи бродили, ездили, но впечатлений – море. Петербург – удивительный город. Я рада за Вас. Конечно, Харьков я люблю, но Питер – это же чудо, это праздник и он похож на Вас.

Я очень спешу закончить свою писанину, Володя торопит отправить наши письма, и так задержались.

Не судите за стиль письма, за многочисленные ошибки, и, несмотря на это очень бы хотелось, чтобы наши письма Вас, Екатерина Геннадьевна, порадовали.

Целую. С уважением, Демьяненко Валя

Август 2012

